

МАРК АВРЕЛИЙ АНТОНИН

НАЕДИНЕ С СОБОЙ.
РАЗМЫШЛЕНИЯ

Марк Аврелий Антонин

Наедине с собой. Размышления

Серия «Эксклюзивная классика (АСТ)»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29685325
Марк Аврелий. Наедине с собой: АСТ; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-106948-3*

Аннотация

«Наедине с собой. Размышления» – сборник афористических мыслей Марка Аврелия, написанный им на греческом языке (койне) в 70-е годы II века во время войны на дунайской границе. Он пользовался несомненным успехом в позднеантичное время, а в XVI веке возродился в европейских философских кругах.

Эти личные записи отражают упорное стремление императора не только руководствоваться в своем мироощущении учением стоиков, но и развивать его дальше, назвав ведущим началом в человеке не душу, но разум, который нужно привести в согласие с природой целого, достигнув таким образом бесстрастия.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Первая книга	6
Вторая книга	16
Третья книга	24
Четвертая книга	34
Пятая книга	50
Шестая книга	65
Седьмая книга	81
Восьмая книга	97
Девятая книга	114
Десятая книга	129
Одиннадцатая книга	145
Двенадцатая книга	159

Марк Аврелий

Наедине с собой

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

«Размышления» – это личные записи римского императора Марка Аврелия Антонина, сделанные им в 70-е гг. II в. н. э. Благодаря исключительному положению Марка Аврелия и его литературному дарованию этот документ, позволяющий (редчайший случай в истории античной литературы) наблюдать не столько даже личную жизнь, сколько напряженную личную работу над освоением достижений многовековой стоической традиции, стал впоследствии одним из наиболее читаемых памятников мировой литературы.

В основу издания положен полный русский перевод труда Марка Аврелия, сделанный С. Роговиным и вышедший в серии «Памятники мировой литературы» в издательстве М. и С. Сабашниковых в 1914 году в Москве. В значительной степени перевод С. Роговина есть не что иное, как добросовестный подстрочник, и потому он нуждался в определенной адаптации. Однако при редактировании смысл и дух высказываний Марка Аврелия, безусловно, сохранен.

Учитывая, что автор «Размышлений» использовал слож-

ную и многозначную терминологию стоической философии, не всегда понятную современному читателю, в тексте примечаний эти понятия раскрываются, прежде всего, на основании античных источников.

Первая книга

1 От Вера, моего деда, я унаследовал сердечность и незлобивость.

2 От славы моего родителя и оставленной им по себе памяти – скромность и мужественность.

3 От матери – благочестие, щедрость, воздержание не только от дурных дел, но и дурных помыслов. А также – простоту образа жизни, далекую от всякой роскоши.

4 От прадеда – то, что не пришлось посещать публичных школ; я пользовался услугами прекрасных учителей на дому и понял, что на это стоит потратиться;

5 От воспитателя – равнодушие к борьбе между зелеными и синими, победам гладиаторов с фракийским или галльским вооружением. Неприхотливость, выносливость в трудах, несуетливость и стремление к самостоятельности в решении дел, невосприимчивость к клевете.

6 От Диогнета – нерасположение к пустякам, недоверие к рассказам чудотворцев и волшебников о заклинаниях, изгнании демонов и тому подобных вещах. А также и то, что не разводил перепелов, не увлекался глупостями, а отдался философии, слушая сначала Бакхия, затем Тандасида и Маркиана. Уже с детских лет писал диалоги и любил простое ложе, звериную шкуру и прочие принадлежности эллинского образа жизни.

7 От Рустика – мысль о необходимости исправлять и образовывать свой характер, не уклоняться в сторону изощренной софистики и сочинения бессмысленных теорий, не составлять увещательных речей, не разыгрывать напоказ ни страстотерпца, ни благодетеля, не увлекаться риторикой, поэтическими украшениями речи, и не разгуливать дома в stole. Благодаря ему я пишу письма простым слогом, по примеру письма, написанного им самим из Синуэссы к моей матери. Я всегда готов к снисхождению и примирению с теми, кто в гневе поступил неправильно, оскорбительно, едва они сделают первый шаг к восстановлению наших прежних отношений. Я стараюсь вникнуть во все, что читаю, не довольствуясь поверхностным взглядом, но не спешу соглашаться с многоречивыми пустословами. Рустик первый познакомил меня с «Воспоминаниями об Эпиктете», ссудив их из своей библиотеки.

8 От Аполлония – свободомыслие и осмотрительность, стремление неуклонно руководствоваться ничем иным, кроме разума, оставаясь верным себе при невыносимой боли, потере ребенка и тяжелой болезни. На его примере я наглядно убедился, что в одном и том же лице величайшая настойчивость может сочетаться со снисходительностью. Когда приходится с трудом растолковывать что-либо, я не раздражаюсь и не выхожу из себя, ибо видел человека, который опытность и мастерство в передаче глубочайших знаний считал наименьшим из своих достоинств. От него я научился,

каким образом следует принимать от друзей так называемые услуги, не чувствуя себя вечно обязанным, но и не проявляя равнодушия.

9 От Секста – благожелательность; образец дома, руководимого отцом семейства, представление о жизни, согласно природе, и подлинном величии, заботливое отношение к нуждам друзей, способность терпеливо сносить невежество, верхоглядство, самомнение и ладить со всеми. Общение с Секстом было приятнее всякой лести, да и у самих льстецов он пользовался величайшим почетом, вопреки собственному желанию. От него я научился методически находить и связывать между собою основополагающие правила жизни, не выказывать признаков гнева или какой-либо другой страсти, сочетать невозмутимость с самыми нежными почтительными привязанностями, пользоваться доброй славой, соблюдая благопристойность, накапливать знания, не выставляя их напоказ.

10 От Александра-грамматика я научился воздержанию от упреков и обидных замечаний тем, кто допускал варваризмы, коверкание и неблагозвучность речи, предлагая им надлежащие выражения в форме ответа, подтверждения или совместного разбора самого предмета, а не оборота речи либо посредством другого уместного приема напоминания.

11 От Фронтонa – понимание того, что тирания влечет за собой клевету, изворотливость, лицемерие и что, вообще, люди, слышущие у нас аристократами, отличаются бессерде-

чием и черствы душой.

12 От платоника Александра я научился избегать частых, не вынужденных обстоятельствами, ссылок в письмах и разговорах на свою занятость и не увиливать от обязанностей по отношению к ближним под предлогом «неотложных» дел.

13 От Катула – внимательность к жалобам друзей, даже неосновательным и вздорным, стремление к улаживанию всех конфликтов, чистосердечная уважительность в отношении к своим учителям, желание воздать им хвалу, как это делали, судя по воспоминаниям, Домиций и Афинодот, а также – истинная любовь к детям.

14 От брата моего Севера – любовь к близким, любовь к истине и справедливости. Полученные благодаря ему знания о Тразее, Гельвидии, Катоне, Дионе, Бруте и представление о государстве с равными для всех законами, устроенном на началах равноправия и всеобщего равенства, о власти, ставящей превыше всего свободу граждан. Ему же я обязан неизменным почтением к философии, благотворительностью, постоянством в щедрости, надеждами на лучшее и верою в дружеские чувства. Он никогда не скрывал осуждения чьих-либо проступков, а его друзьям не приходилось догадываться о его желаниях – они были всем ясны.

15 От Максима – самообладание, неподатливость чужим влияниям, бодрость в трудных обстоятельствах, в том числе и болезнях, уравновешенный характер, обходительность и чувство собственного достоинства, старательность в свое-

временном исполнении очередных дел. Что бы ни говорил Максим, все верили в его искренность, что бы ни делал – в его добрые намерения. У него я научился ничему не удивляться, не поражаться, ни в чем не спешить и не медлить, не теряться, не предаваться унынию, не расточать излишние похвалы, вызывающие позднее гнев и подозрительность, а быть снисходительным, оказывать благодеяния, чуждаясь лжи, имея в виду непоправимость содеянного, а не запоздалые исправления.

Он умел шутить, соблюдая благопристойность, не выказывая презрительного высокомерия, но никто не считал себя выше его.

16 От отца – кротость и непоколебимая твердость в тщательно обдуманых решениях, отсутствие интереса к мнимым почестям, любовь к труду и старательность, внимание ко всем, кто может внести какое-либо общепольное предложение, неизменное воздаяние каждому по его достоинству, понимание того, где нужна строгость, а где большая мягкость. Благодаря отцу – прекращение любовных дел с мальчиками и преданность общественным делам. Отец разрешал своим друзьям не являться на его обеды и не обязательно сопровождать его в путешествиях; те, кто отлучались по своему делу, при возвращении сохраняли его прежнее расположение. Во время совещаний он упорно настаивал на исследовании всех обстоятельств дела и не спешил положить конец обсуждению, довольствуясь первым встретившимся ре-

шением. Он сохранял постоянство в отношениях с друзьями, не меняя их из-за пресыщения, но и не поддаваясь чрезмерному увлечению ими. Самостоятельность во всем, ясный ум, предвидение событий далеко вперед, предусмотрительная распорядительность во всем, вплоть до мелочей, без тени кичливости своими способностями. Приветственных кликов и всяческой лести при нем стало меньше. И неусыпная охрана того, что необходимо государству, бережливость в расходах и выдержка, когда это ему ставилось в вину. И не было у него суеверного страха перед богами, а что касается людей, то не было ни заискивания перед народом, ни стремления понравиться, ни угодливости перед толпой, а напротив – трезвость и основательность; и никогда – безвкусной погоней за новизной. Всем тем, что делает жизнь легкой – а это судьба давала ему в изобилии, – он пользовался и скромно, и вместе с тем охотно, так что он спокойно брал то, что есть, и не нуждался в том, чего нет. И никто не сказал бы про него, что он софист, вульгарный болтун или педант, а напротив, – что он человек сложившийся, совершенный, чуждый лести и способный руководитель и своими, и чужими делами. Вдобавок он ценил истинных философов, а остальных не порицал, хотя и не поддавался им. Кроме того, общительность и обходительность, но не через меру. О своем теле он заботился надлежащим образом, не как какой-нибудь жизнелюбец и не напоказ, однако и не пренебрегал им, чтобы благодаря уходу за телом как можно меньше нуждаться в медици-

не, во внутренних и наружных лекарствах.

В особенности же он без всякой зависти уступал людям, в чем-либо выдающимся, будь то выразительная речь, исследование законов, или нравов, или еще что-нибудь.

Он содействовал тому, чтобы каждый был в чести соответственно своим дарованиям.

Хотя он во всем соблюдал отеческие обычаи, однако никому не было заметно, чтобы он старался их соблюсти – то есть эти отеческие обычаи. Кроме того, в нем не было непоседливости и метаний, он проводил время в одних и тех же местах и занятиях. И после приступов головной боли он бывал сразу же свеж и полон сил для обычных трудов.

Не много у него бывало тайн, напротив очень мало, да и редко когда; все они касались исключительно государственных дел. Он был благоразумен и умерен в устройстве зрелищ, в строительстве и в раздаче пособий. Он обращал внимание на самое выполнение долга, а не на славу, которую приносит выполнение долга.

Он не пользовался банями в неурочное время, не увлекался постройкой роскошных зданий, был непритязателен в еде, тканях, цвете одеяний, выборе красивых рабов. В Лориуме он носил парадную одежду, изготовленную в близлежащем поместье, в Ланувии, по большей части, ходил одетым в хитон, в Тускулане носил плащ, считая нужным извиняться в этом – таков он был во всем. Не было в нем ничего грубого, непристойного, необузданного, ничего такого,

что позволило бы говорить об «усердии не по разуму», напротив, он все разбирал во всех подробностях, словно на досуге, спокойно, по порядку, терпеливо, соответственно сути дела. К моему отцу подошло бы то, что рассказывают о Сократе – о его умении и воздерживаться и наслаждаться, в то время как большинство не в состоянии воздерживаться, не предаются наслаждениям. Быть стойким и в том и в другом, быть сильным и трезвым в суждениях – это свойство человека с совершенной и непобедимой душой. Именно таким он показал себя во время болезни Максима.

17 От богов – то, что у меня хорошие деды, хорошие родители, хорошая сестра, хорошие учителя, хорошие домо-чадцы, родичи, друзья, почти все. И то, что я никого из них ничем не обидел, хотя у меня есть такая склонность, и при случае я мог бы это сделать.

Благодеяние богов, что не было такого стечения обстоятельств, которое посрамило бы меня.

И то, что я недолго воспитывался у любовницы моего деда. И что я спас свою юность; и что я не возмужал преждевременно, но еще и несколько отсрочил это.

Я научился подчиняться начальнику и отцу, который намеренно искоренял во мне всякую спесь и внушал мне, что даже при дворе не нужны ни телохранители, ни роскошные одеяния, ни факелы, ни статуи и тому подобная пышность, но что есть возможность ограничить себя, приближаясь как можно больше к быту частных лиц, и что от этого вовсе не

сделаешься более медлительным и робким, когда надо проявить силу в делах правления.

Я имею такого брата, который по своим нравственным свойствам мог побудить меня к развитию и вместе с тем радовал меня и почетом и любовью.

Дети мои уродились неглупыми и без телесных недостатков. Хорошо и то, что я не оказал особых успехов ни в риторике, ни в поэтике, ни в остальных занятиях, которым я, пожалуй, предался бы, если бы чувствовал, что быстро иду в них вперед.

Я не замедлил обеспечить моим воспитателям то почетное положение, которого они, как мне казалось, желали, и не откладывал осуществление их надежд на последующее время под предлогом, что они еще молоды.

И то, что я познакомился с Аполлоном, Рустиком и Максимом. Часто и отчетливо возникало у меня представление о том, какова жизнь, согласная с природой, так что, поскольку это зависит от богов и от исходящих от них даров, воздействий и внушений, ничто уже не мешает мне жить согласно природе, а если меня на это не хватает, то только по моей вине и оттого, что я не соблюдаю исходящих от богов напоминаний и чуть ли не прямых наставлений.

И то, что я настолько еще сохранил свое здоровье при такой жизни. И то, что я не коснулся ни Бенедикты, ни Федота, да и впоследствии оставался здоровым, когда овладевали мной любовные страсти. Я часто сердился на Рустика, но

ничего не сделал такого, о чем бы потом пожалел.

Родительница моя, которой предстояло умереть молодой, все же прожила вместе со мной свои последние годы.

Сколько бы раз я ни захотел помочь какому-нибудь бедняку или в чем-нибудь нуждающемуся, мне никогда не довелось слышать, что у меня нет денег для этого. Да и мне самому не приходилось впадать в такую нужду, чтобы занимать у другого.

И то, что жена у меня такая послушная, так нежно любимая, такая простодушная.

И то, что в изобилии имелись подходящие воспитатели для детей.

Богам я обязан и за то, что в сновидениях мне была дана помощь, в особенности – против кровохарканья и головокращения, что бывало в Кайете...

И то, что, когда я стремился к философии, я не наткнулся на какого-нибудь софиста, не сидел над сочинениями историков, не занимался разбором умозаключений и не предавался изучению небесных светил.

Ведь все это нуждается в помощи богов и судьбы.

Писано в области квадов, на берегу Грануи.

Вторая книга

1 Поутру следует сказать себе: «Сегодня мне придется столкнуться с людьми навязчивыми, неблагодарными, заносчивыми, коварными, завистливыми, неуживчивыми. Эти свойства проистекают от незнания ими добра и зла. Я же, познавший прекрасную природу добра и постыдную – зла, понимаю и природу тех, кто заблуждается. Они мне родственны не по крови и происхождению, а по божественному соизволению и разуму. Я защищен знанием от их зла. Они не могут вовлечь меня во что-либо постыдное. Но нельзя и гневаться и ненавидеть тех, кто мне родственен. Мы созданы для совместной деятельности, как ноги и руки, веки, верхняя и нижняя челюсти. Поэтому противодействовать друг другу – противно природе; а досадовать и чуждаться таких людей и значит им противодействовать».

2 Чем бы я ни был, я только немощное тело, слабое проявление жизненной силы и господствующего начала. Оставь книги, не отвлекайся от дела, время не терпит. Пренебреги своим телом, как будто ты при смерти. Оно лишь кровь да кости, брэнное плетение нервов, жил и артерий. Рассмотрй также существо жизненной силы; оно – изменчивое дуновение, каждое мгновение то вдыхаемое, то выдыхаемое.

Итак, остается лишь третье – господствующее начало, о нем-то ты должен подумать. Ты стар: не допускай же более

его порабощения, не допускай, чтобы им помыкали противоборствующие стремления, чтобы оно жаловалось на свой настоящий удел и приходило в ужас пред будущим.

3 Созидаемое богами преисполнено промысла. Приписываемое случаю также возникает не без участия природы, т. е. в связи с тем, над чем господствует промысел. Все происходит из этого источника, в нем и неизбежное, и полезное всему миру, часть которого – ты. Для всякой части природы благо то, что производит природа Целого и что содействует ее поддержанию. Изменения как элементов, так и сложных тел способствуют поддержанию мира. Вот мысли, которые должны дать тебе удовлетворение, пусть они будут твоими основоположениями. Умерь жажду книжного знания, чтобы не роптать, когда придет смерть. Уходя из жизни, храни спокойствие духа, воздав богам искреннюю, сердечную благодарность.

4 Вспомни, с каких пор ты откладываешь эти размышления и сколько раз, получив у богов отсрочку, ты не воспользовался ею. Следует, в конце концов, осознать, к какому миру ты принадлежишь, как часть, истечением какого мироправителя ты являешься. Знай, что положен предел времени твоей жизни, и если не воспользуешься им для собственного просвещения, оно исчезнет, как исчезнешь и ты, и более не вернется.

5 Заботься о деле, которым сейчас занят, чтобы выполнить его достойно римлянина и мужа, с полной серьезно-

стью, искренностью, с любовью к людям и справедливостью. Отстрани от себя иные побуждения.

Будет удача, если каждое дело исполнишь как последнее в своей жизни, освободившись от безрассудства, подогреваемого страстями, пренебрежения к велениям разума, лицемерия, себялюбия и недовольства собственной судьбой.

Видишь, как скромны требования, исполнив которые всякий сможет достичь блаженной, божественной жизни. Да и сами боги от того, кто исполняет это, ничего большего не требуют.

6 Ну, что ж, пренебрегай, пренебрегай собой, душа! Ведь отнестись к себе с должным вниманием ты уже скоро не сможешь. Жизнь вообще мимолетна, твоя жизнь уже на исходе, а ты не уважаешь себя, но ставишь свое благоденствие в зависимость от душ других людей.

7 Пусть не рассеивает тебя приходящее к тебе извне! Создай себе досуг для того, чтобы научиться чему-нибудь хорошему и перестать блуждать без цели. Следует беречься также и другого тяжкого заблуждения. Ведь безумны люди, которые всю жизнь без сил от дел и не имеют все-таки цели, с которой они сообразовали бы всецело все стремления и представления.

8 Нелегко указать на кого-либо, кто стал бы несчастным от того, что был невнимателен к происходящему в чужой душе. Но неизбежно будет несчастен тот, кто не следит за движениями своей собственной души.

9 Всегда следует помнить о том, какова природа Целого, какова моя природа, каково отношение одной к другой и какой частью какого Целого является природа меня самого, а также о том, что никто не может помешать всегда действовать и говорить согласно природе, частью которой ты являешься.

10 Феофраст, оценивая различные проступки (поскольку такая оценка возможна с обычной точки зрения), замечает как истинный философ, что проступки, сделанные по влечению, более тяжкие, чем проступки под влиянием гнева. Ведь гневающийся, отвернувшись от разума, испытывает, по-видимому, какую-то горечь и тайное сокрушение, прегрешающий же по влечению, не будучи в силах устоять перед соблазном наслаждения, проявляет, по-видимому, в своих проступках большую распушенность и изнеженность. Правильно поэтому, решает Феофраст, что большего порицания заслуживает проступок, сопряженный с наслаждением, нежели сопряженный с горем. Вообще один из этих людей подобен скорее тому, кого вызвало на гнев чувство горечи, связанное с причиненной ему ранее несправедливостью, другой же самопроизвольно стремится к несправедливости, увлекаемый своим вожделением к какому-нибудь действию.

11 Все следует делать, обо всем говорить и помышлять так, как будто каждое мгновение может оказаться для тебя последним. Если боги существуют, то выбыть из числа людей вовсе не страшно: ведь боги не ввергнут тебя во зло. Ес-

ли же богов не существует или им нет дела до людей, то что за смысл жить в мире, где нет богов или нет промысла? Но боги существуют и проявляют заботливость по отношению к людям. Они устроили так, что всецело от самого человека зависит, впасть или не впасть в истинное зло. А если злом является и что-нибудь другое, то они позаботились также, чтобы от каждого зависело не впасть в оное. Но то, что не делает худшим человека, может ли сделать худшей жизнь человеческую? Природа Целого не могла оплошать таким образом ни по неведению, ни по бессилию предупредить или исправить, в случае если она обладает всезнанием; не могла бы она также ни по бессилию, ни по неумелости допустить такую ошибку, как распределение благ и зла между всеми людьми без разбора, как между хорошими, так и между дурными. Смерть и жизнь, слава и бесчестье, страдание и наслаждение, богатство и бедность – все это одинаково выпадает на долю как хорошим людям, так и дурным. Все это не прекрасно и не постыдно, а следовательно, не благо и не зло.

12 Как быстро все исчезает: самые тела в мире, память о них в вечности! Каково все воспринимаемое чувствами, в особенности то, что манит нас наслаждением, или отпускает страданием, или прославляется тщеславием? Как все это ничтожно, презренно, низменно, бренно и мертво! Вот на что следует направить способность мышления. Что представляют собою те, убеждения и голоса которых рождают славу? Что такое смерть? Если взять ее самое по себе и от-

влечься от всего, что вымышлено по ее поводу, то тотчас же убедишься, что она не что иное, как действие природы. Боятся же действия природы – ребячество; смерть же не только действие природы, но и действие, полезное ей.

Как и какою частью своего существа соприкасается человек с богом и что делается с этой частью по ее отделении?

13 Нет ничего более жалкого, нежели человек, измеряющий все вдоль и поперек, пытающийся, как говорит поэт, «мерить просторы земли, спускаясь под землю», разгадать тайну душ окружающих его людей, но не сознающий, что для него вполне достаточно общения только со своим внутренним гением и честного служения ему. Последнее же заключается в том, чтобы обереечь его от страстей, безрассудства и недовольства делами богов и людей. Дела богов почтены своим совершенством, дела людей любезны нам в силу родства с ними. Но иногда последние возбуждают некоторого рода жалость: когда в них проявляется неведение добра и зла – уродство не меньшее, нежели неспособность различать белое и черное.

14 Если бы даже ты рассчитывал прожить три тысячи лет и еще тридцать тысяч, все же ты должен помнить, что никто не лишается другой жизни, кроме той, которую он изживает, и никто не изживает другой жизни, кроме той, которой лишается. Поэтому самая продолжительная жизнь ничем не отличается от самой краткой. Ведь настоящее для всех равно, а следовательно, равны и потери – и сводятся они все-

го-навсего к мгновению. Никто не может лишиться ни минувшего, ни грядущего. Ибо кто мог бы отнять у меня то, чего я не имею?

Итак, следует помнить о двух истинах. Во-первых: все от века равно самому себе, пребывая в круговороте, и потому вполне безразлично, наблюдать ли одно и то же сто лет, или двести, или же бесконечное время. Во-вторых: наиболее долговечный и умерший, лишь начав жить, теряют, в сущности, одно и то же. Настоящее – вот все, чего можно лишиться, ибо только им и обладаешь, а никто не лишается того, чем не обладает.

15 Все зависит от убеждения. Это ясно из изречений циника Монима. Но и польза его слов будет ясна для того, кто сумеет уловить заключающееся в них ядро истины.

16 Наибольшим позором покрывает себя душа человеческая, когда возмущается против мира, становясь (поскольку то зависит от нее) как бы болезненным наростом на нем. Ибо ропот по поводу чего-либо происходящего есть возмущение против природы Целого, содержащего в своей части все другие существа. Далее, когда она чуждается какого-либо человека или устремляется против него с намерением причинить ему вред, как это бывает с разгневанными. В-третьих, она покрывает себя позором, когда не в силах устоять против наслаждения или страдания. В-четвертых, когда она лицемерит и фальшиво и неискренно делает что-нибудь или говорит. В-пятых, когда она не сообразует своего действия

и стремления с целью, но делает что-нибудь зря и без толку, ибо даже в пустяках следует сообразоваться с целью. Целью же разумных существ является повиновение разуму и закону древнейшего Града и устройства.

17 Время человеческой жизни – миг; ее сущность – вечное течение; ощущение – смутно; строение всего тела – бренно; душа – неустойчива; судьба – загадочна; слава – недостоверна. Одним словом, все относящееся к телу подобно потоку, относящееся к душе – сновиденью и дыму. Жизнь – борьба и странствие по чужбине; посмертная слава – забвение. Но что же может вывести на путь? Ничто, кроме философии. Философствовать же – значит оберегать внутреннего гения от поношения и изъяна, добиваться того, чтобы он стоял выше наслаждений и страданий, чтобы не было в его действиях ни безрассудства, ни обмана, ни лицемерия, чтобы не касалось его, делает или не делает чего-либо его ближний, чтобы на все происходящее и данное ему в удел он смотрел, как на приистекающее оттуда, откуда изошел и он сам, а самое главное – чтобы он безропотно ждал смерти, как простого разложения тех элементов, из которых слагается каждое живое существо. Но если для самих элементов нет ничего страшного в их постоянном переходе друг в друга, то где основания бояться кому-либо их общего изменения и разложения? Ведь последнее согласно с природой, а то, что согласно с природой, не может быть дурным.

Карнунт

Третья книга

1 Пойми не только то, что жизнь убывает с каждым днем и остается все меньшая ее доля, но и то, что при очень долгой жизни не всегда сохраняется сила мысли для понимания происходящего и постижения дел божеских и человеческих.

Если человек тупеет, это не отражается на его дыхании, пищеварении, воображении, желаниях и тому подобном. Но слабеет власть над самим собой. Он уже не понимает своих обязанностей, не способен разобраться в окружающем и не может дать себе отчет в том, что уж лучше расстаться с такой жизнью. Все это требует твердого разума, который уже потерян безвозвратно. Итак, нужно торопиться не только потому, что мы все ближе подходим к смерти, но и потому, что еще при жизни нас подстерегает потеря способности правильного понимания и наблюдения вещей.

2 Следует обратить внимание и на то, что нечто привходящее и изменчивое в произведениях природы обладает особой привлекательностью и заманчивостью. На печеном хлебе местами появляются трещинки. Эти расщелины чужды основной цели искусства пекаря, но они придают хлебу особенно аппетитный вид. Плоды смоковницы лопаются, достигнув наибольшей зрелости, а в переспелых маслинах самая близость гниения сообщает какую-то особую прелесть плоду. Низко склоненные колосья, хмурое чело льва, пена,

бьющая из пасти вепря, и многое другое, далеко не привлекательное само по себе, сопутствуя тому, что произведено природой, усиливает общее впечатление. Все это влечет к себе человека, обладающего особой восприимчивостью и более глубоким пониманием сущности Целого. Вряд ли он сможет не почувствовать важность подобных явлений, всегда сопутствующих деятельности природы. На пасти живых зверей он будет смотреть с не меньшим восхищением, чем на изображения, подражающие природе, которые созданы художниками и ваятелями. Проникновенным взглядом он сумеет распознать не только красоту времени расцвета, но и особую красоту старца, старухи, привлекательность ребенка. И много есть такого, что доступно не всякому, а открывается лишь тому, кто действительно сблизился с природой и ее делами.

3 Гиппократ, исцелив множество болезней, сам заболел и умер. Халдеи предсказали многим смерть, а затем и их самих судьба настигла. Александр, Помпеи, Гай Цезарь, разрушив дотла столько городов и умертвив в боях десятки тысяч всадников и пехотинцев, в конце концов и сами расстались с жизнью. Гераклит, столько рассуждавший о всемирном пожаре, умер от водянки; не помог ему и коровий помет, которым он был намазан. Демокрита заели паразиты, Сократа убили тоже своего рода паразиты. Но какой вывод из всего этого? Ты взошел на корабль, совершил плавание, достиг гавани: пора слезать. Если тебя ждет другая жизнь, то, так как боги вездесущи, они будут и там. Если же это будет состоя-

ние бесчувственности, то тебе не придется более терпеть от страданий и наслаждений и служить оболочке, которая хуже того, кто у нее в плену. Ибо последний есть разум и гений, оболочка же – прах и тлен.

4 Не расточай остатка жизни на мысли о других, если только дело не идет о чем-либо общепольном. Ведь раздумывая о том, кто что делает и ради чего он это делает, кто что говорит, замышляет и предпринимает, ты упускаешь другое дело: все подобное отвлекает от забот о собственном руководящем начале. Надлежит удалять из своих представлений все бесцельное и праздное, а в особенности все, внушаемое любопытством и злобой. Следует приучать себя только к таким мыслям, относительно которых на внезапный вопрос: «О чем ты теперь думаешь?», ты мог бы откровенно ответить, что о том-то и о том-то. Эти мысли исполнены искренности и благожелательности и достойны существа общежительного, гнушающегося чувственных удовольствий, наслаждений, строптивости, зависти, подозрительности и всего, что заставит покраснеть при сознании, что оно было в тебе. Человек, никогда не оставляющий попечения о том, чтобы быть в числе наилучших, есть жрец и пособник богов. Он дружен и с живущим внутри его божеством, которое делает человека недостижимым для наслаждений, неуязвимым для страданий, чуждым всякой гордыне, нечувствительным к какому бы то ни было проявлению злобы, борцом в величайшей борьбе, где он должен противостоять всем страстям.

Оно побуждает его глубоко проникнуться справедливостью и от всей души приветствовать все происходящее и выпадающее на его долю. А о том, что говорит, делает или помышляет другой человек, следует думать не часто, в случае если этого требует великое и общепольное дело. Такой человек занят исключительно своими личными делами, а постоянным предметом его размышлений является жребий, предусмотренный ему строением Целого. Первое он стремится довести до совершенства, а что касается второго, то он твердо уповает на его благодать. Ибо жребий, выпадающий на долю каждого, и приносивлен к нему и полезен. Он помнит также, что все разумное в родстве между собой, что забота о всех людях отвечает природе человека, но ценно одобрение не всех людей, а только живущих согласно природе. Он никогда не упускает из виду, что представляют собою те, кто живут не так, каковы они дома и вне дома, ночью и в течение дня, и с кем, и какую водят дружбу. И похвалу людей, которые и сами-то себя не удовлетворяют, он не ставит ни во что.

5 Не поступай ни против своей воли, ни в противоречии с общим благом, ни как человек опрометчивый или поддающийся влиянию какой-нибудь страсти. Не облачай свою мысль в пышные формы, не увлекайся ни многоречивостью, ни многоделанием. Пусть божество в тебе будет руководителем существа мужественного, зрелого, преданного интересам государства; римлянина, облеченного властью, чувствующего себя на посту, подобного человеку, который, не нуж-

даясь ни в клятве, ни в поручителях, с легким сердцем ждет зова оставить жизнь. И светло у тебя будет на душе, и ты не будешь нуждаться ни в помощи извне, ни в том спокойствии, которое зависит от других.

Итак, следует быть исправным, а не исправляемым.

6 Если ты находишь в человеческой жизни что-нибудь лучшее, нежели справедливость, истина, благоразумие, мужество, другими словами, – самодостаточность твоей мысли, способной указать путь действия, путь, согласный с разумом и твоей участью, т. е. со всем тем, что выпадает на долю независимо от выбора; тогда, говорю я, если действительно видишь нечто лучшее по сравнению со всем этим, то положи всю свою душу, чтобы испытать возможность наилучшего.

Если же не знаешь ничего прекраснее живущего в тебе гения, подчинившего себе отдельные стремления, способного исследовать все представления, сделавшего себя, по словам Сократа, недоступным для обольщения чувств, послушного воле богов и полного сочувствия к людям, если, по сравнению с этим, ты находишь все остальное мелким и ничтожным, то не уделяй своего внимания ничему постороннему.

Уклонившись в сторону, прельщенный чем-либо второстепенным, ты уже не сможешь безраздельно отдаться служению единственному, принадлежащему тебе благу. Ведь непозволительно же рядом с благом разума и гражданственности ставить нечто чужеродное: одобрение толпы, упоение властью, богатством, жизнью, полной наслаждений. Но все

это способно внезапно увлечь и овладеть тобой, едва ты припишешь ему хоть незначительную ценность. Поэтому, говорю тебе, искренне и свободно избирай лучшее и держись его. — «Но лучшее это полезное». — Если оно полезно для тебя, как существа разумного, — то береги его, если для тебя, как животного, — отрекись от него. Оберегай способность суждения от надменности, чтобы иметь возможность осторожно производить исследование.

7 Никогда не считай полезным для себя то, что когда-либо побудит тебя преступить обещание, забыть стыд, ненавидеть кого-нибудь, подозревать, клясть, лицемерить, пожелать чего-нибудь такого, что прячут за стенами и замками. Ведь тот, кто отдал предпочтение своему разуму, своему гению и служению его добродетели, не надевает трагической маски, не издает стенаний, не нуждается ни в уединении, ни в многолюдстве. Он будет жить, — и это самое главное, — ничего не преследуя и ничего не избегая. Его совершенно не беспокоит, в течение большего или меньшего времени его душа будет пребывать в телесной оболочке, и когда придет момент расставания с жизнью, он уйдет с таким же легким сердцем, с каким он стал бы приводить в исполнение что-нибудь другое из того, что может быть сделано с достоинством и честью. Ведь всю свою жизнь он только и думает о том, чтобы не дать своей душе опуститься до состояния, недостойного разумного и призванного к гражданственности существа.

8 В душе человека, облагороженного и претерпевшего

очищение, ты не найдешь ни гнойников, ни скверны, ни скрытой порчи. Когда бы ни настигла его судьба, его жизнь не будет не окончена, как про трагического актера говорят, что он оставил сцену, не окончив и не доиграв роли. В нем нет ничего рабского, вынужденного, нет навязчивости, отчужденности, нет ничего заслуживающего порицания и боящегося света.

9 Относись бережно к способности составлять себе убеждение. От этой способности всецело зависит, чтобы не возникло в руководящем тобой начале никакого убеждения, несогласного с природой и строем разумного существа. Она же предписывает нам не быть скорыми на решения, относиться с благожелательностью к людям и слушаться богов.

10 Отринув все, держись лишь этих немногих правил. Помни также, что каждый живет лишь настоящим, ничтожно малым моментом; все же остальное или уже прожито, или покрыто неизвестностью. Ничтожна жизнь каждого, ничтожен тот уголок земли, где он живет, ничтожна и самая долгая слава посмертная: она держится лишь в нескольких кратковечных поколениях людей, не знающих и самих себя, не то что тех, кто уже давно опочил.

11 К вышеуказанным правилам нужно добавить еще одно. Следует так подходить к определению или описанию каждого представляющегося предмета, чтобы под внешним покровом, в анализе его частей раскрыть сущность предмета и то, из чего он состоит, называя все его элементы соответствующим

щими именами.

Ведь ничто не содействует так возвышенному настроению, как способность планомерного, истинного проникновения во все явления жизни и умение найти такую точку зрения относительно рассматриваемого предмета, чтобы сразу решить, какому миру и какая от него польза, в чем его ценность как для Целого, так и для человека, гражданина высшего Града, по отношению к которому все остальные государства только отдельные домохозяйства. Следует понять, из чего состоит и сколько времени будет длиться то, что сейчас возбуждает мое представление, и какую добродетель следует к нему применить: кротость ли, мужество, правдивость, верность, простоту, самоудовлетворенность или что-либо в этом роде. Поэтому в каждом отдельном случае следует дать себе отчет: вот это исходит от бога, это происходит в силу связи, предопределенного соединения, такого же сочетания и судьбы, это же обязано своим существованием моему единоплеменнику, сородичу и согражданину, хотя и не знающему, чего требует от него природа. Но я-то ведь знаю и поэтому отношусь к нему благожелательно и справедливо, согласно естественному закону общения. Вместе с тем я стремлюсь определить и относительную ценность вещей собственно безразличных.

12 Если ты, следуя правому разуму, будешь старательно, ревностно и любовно относиться к делу, которым ты в данный момент занят, и, глядя по сторонам, будешь блюсти чи-

стоту своего гения, как будто уже пора с ним расстаться, если ты будешь поступать так, ничего не ожидая и не избегая, но довольствуясь наличной деятельностью, согласной с природой и геройским правдолюбием во всем, что ты говоришь и высказываешь, — ты будешь хорошо жить. И никто не в силах помешать этому.

13 Как врачи всегда имеют под рукой инструменты и приборы на случай внезапной операции, так и ты имей наготове основоположения для познания вещей божеских и человеческих и во всех даже самых незначительных действиях помышляй о связи тех и других. Без соображения с божественным не сделаешь хорошо ничего человеческого и наоборот.

14 Пора уgomониться. Иначе тебе не придется прочесть ни твоих воспоминаний, ни деяний древних римлян и греков, ни тех отрывков из писателей, которые ты отобрал себе под старость! Итак, спеши к цели и, оставив пустые надежды, сам, пока еще не поздно, приди себе на помощь, если только ты сколько-нибудь заботишься о самом себе.

15 Люди не знают, сколь многозначны такие слова, как воровать, сеять, покупать, бездействовать, усматривать надлежащее; для этого знания нужны не телесные очи, а некий другой орган зрения.

16 Тело, душа, ум. Телу принадлежат ощущения, душе — стремления, уму — основоположения. Способностью получать впечатления обладают и скоты, стремления проявляются бурно и в диких зверях, и в андрогинах, и в Фаларисе,

и в Нероне, пользоваться умом для внешнего соблюдения обязанностей могут люди и не признающие богов, и изменяющие своей родине, и творящие, запершись у себя, всякие гнусности. Если все это, согласно сказанному, общо всем, то одному лишь хорошему человеку свойственно любить и приветствовать происходящее и сопряженное с ним, не осквернять живущего в его груди гения, не беспокоить и не смущать его обилием представлений, а сберечь его чистым, строго послушным богам, не говорящим никогда наперекор истине и не делающим ничего вопреки справедливости. Если даже все люди откажутся поверить, что он живет так просто, скромно и счастливо, то он не будет сердиться ни на кого из них и не сойдет с пути, ведущего к цели жизни, к которой следует подойти чистым, спокойным, с легким сердцем и с безропотной покорностью своей судьбе.

Четвертая книга

1 Когда внутренне господствующее начало верно природе, то его отношение ко всему происходящему таково, что оно всегда может легко приноровиться к возможному и данному. Ведь оно не испытывает любви к какой-нибудь определенной материи, а к предпочтительному стремится лишь условно, обращая в материал для себя все, что оказывается впереди. Оно подобно огню, овладевающему тем, что брошено в него: слабая Лампада была бы потушена, а яркое пламя мгновенно охватывает попавшее в него, пожирает его и вздымается благодаря этому еще выше.

2 Ничего не следует делать зря и никогда не поступать иначе, как сообразно строгим правилам искусства.

3 Люди ищут для себя уединения поближе к простой сельской жизни, где-нибудь на берегу моря или в горах. Ты тоже мечтаешь о чем-нибудь подобном, между тем это явное недомыслие: ведь есть возможность в любое время уединиться в самом себе. Нигде человек не уединяется так спокойно и безмятежно, как в своей собственной душе. Особенно тот, у кого есть внутри нечто такое, во что стоит только пристально взглянуться, как сейчас же станет легче. Это облегчение, по-моему, не что иное, как душевная благоустроенность. Вот этому уединению ты и предавайся постоянно, таким образом обновляя себя.

Пусть будут кратки и просты те доводы, которые, чуть только к ним прибегнешь, уже оказываются достаточными, чтобы устранить всякое раздражение, так что ты вернешься к своим делам уже без досады.

Ведь что тебе тягостно? Испорченность людей? Но если ты поразмыслишь над тем, что разумные существа рождены друг для друга, что терпение входит в понятие справедливости, что люди заблуждаются лишь невольно, и сколько людей враждовавших, подозревавших, ненавидевших, сражавшихся уже умерло и обратилось в прах, – тогда ты перестанешь огорчаться.

Или тебе тягостен твой удел во вселенной? Возобнови в памяти взаимоисключающие утверждения: «или Провидение, или атомы», вспомни все доказательства, уподобляющие мир Граду. Или тебя еще связывает твоя телесная сторона? И это после того, как ты уже заметил, что мышление, отрешенное ото всего и познавшее свои собственные возможности, не зависит от «пневмы», движущейся то мягко, то резко? Вспомни и все прочее, что ты слышал и усвоил относительно страдания и наслаждения.

Или тебя увлекает жалкая слава? Посмотри, с какой быстротой все погружается в забвение, как зияет вечность, беспредельная в обе стороны, как пуст всякий отзвук, какая переменчивость и неразборчивость у тех, кто как будто бы хвалит себя, и какое узкое очерчено для тебя пространство. Да и вся-то земля – точка. Какой же уголок на ней занимает твое

местопребывание? И много ли здесь таких, что станут хвалить тебя, да и каковы они сами?

Вспомни же, наконец, об удалении в свою собственную обитель и, главное, не разбрасывайся, не суетись, но будь свободным и смотри на вещи как муж, гражданин, смертный! Среди истин, которые всегда должны быть под рукой, заметь особенно две. Во-первых, вещи не касаются души, но пребывают в покое вне ее; причины жалоб коренятся в одном лишь внутреннем убеждении. Во-вторых, все то, что ты видишь, подлежит изменению и вскоре исчезнет. Размышляй постоянно и о том, скольких изменений ты уже был свидетелем. Мир – изменение, жизнь – убеждение.

4 Если духовное начало у нас общее, то общим будет и разум, в силу которого мы являемся существами разумными. Если так, то и разум, повелевающий, что делать и чего не делать, тоже будет общим; если так, то и закон общий, если так, то мы граждане. Следовательно, мы причастны какому-нибудь гражданскому устройству, а мир подобен Граду. Ибо кто мог бы указать на какое-нибудь другое общее устройство, которому был бы причастен весь род человеческий? Отсюда-то, из этого Града, и духовное начало в нас, и разумное, и закон. Откуда же иначе? Ведь как все то во мне, что обладает свойствами земли, есть частица какой-нибудь земли, влажное – частица другого элемента, животворящее, горячее и огневидное берут начало каждое в своем источнике (ибо ничто не возникает из ничего, как и не пре-

вращается в ничто), точно так же и духовное откуда-нибудь да происходит.

5 Смерть есть такая же тайна природы, как и рождение. В одном случае соединение, в другом разложение одних и тех же элементов. Вообще в них нет ничего, что могло бы быть для кого-нибудь постыдным, ибо нет ничего несоответствующего одухотворенному существу или разуму того же строения.

6 Людям, которые часть этого мироздания, следует поступать таким же образом. Противодействовать этому все равно, что лишать сока смоковницу. Помни о том, что по истечении самого незначительного промежутка времени вы оба, и ты, и твой противник, умрете; а вскоре затем забудутся и ваши имена.

7 Устрани убеждение, устранился и жалоба на вред. Устрани жалобу на вред, устранился и самый вред.

8 То, что не делает человека худшим, чем он есть, не делает худшей и его жизнь и не вредит ни внешней, ни внутренней стороне его существа.

9 Польза вынуждает природу поступать таким образом.

10 Все совершающееся совершается согласно справедливости; если будешь наблюдать внимательно, то убедишься в этом. Все совершается, говорю я, не только согласно определенному порядку, но и согласно справедливости, точно кто-то распределил все сообразно достоинству. Продолжай же начатое тобою наблюдение и, что бы ты ни делал, делай

с той мыслью, чтобы стать хорошим в истинном значении этого слова. Храни эту мысль во всех твоих начинаниях.

11 Не проникайся ни тем убеждением, которого держится обидчик, ни тем, которое он хочет навязать тебе, но все рассматривай со стороны истины.

12 Во всех случаях жизни руководствуйся двумя правилами. Во-первых, делай только то, что внушает разум. Это господствующая часть твоего существа, которая направляет действия на пользу людей. Во-вторых, умей изменить свое мнение, если кто-то указал на твою ошибку или сумел переубедить тебя. Но изменять свое мнение возможно лишь в соответствии со справедливостью, общей пользой и тому подобным, а не потому, что новый взгляд кажется более легким, приятным или сулит славу.

13 «Обладаешь ли ты разумом?». – «Обладаю». – «Почему же ты не пользуешься им? Ведь если он будет делать свое дело, что останется тебе желать?».

14 Ты существовал, как часть Целого. Тебе предстоит исчезнуть в породившем тебя, вернее, ты, в силу изменения, будешь поглощен логосом, который есть семя вещей.

15 На жертвеннике много кусочков ладана. Один из них попал сюда раньше, другие позже – разницы здесь нет никакой.

16 Если ты проникнешься известными основоположениями и отдашься служению разуму, то через десять дней покажешься богом тем, кому теперь кажешься зверем и обезья-

ной.

17 Не живи так, точно тебе предстоит еще десять тысяч лет жизни. Уже близок час. Пока живешь, пока есть возможность, старайся стать достойным.

18 Сколько досуга выигрывает тот, кто не смотрит на то, что сказал, сделал или подумал его ближний, но лишь на то, что он делает сам, чтобы соблюсти в своих действиях справедливость и благочестие! По слову Агафона, не выискивай пороки других, а иди своей прямой дорогой, не уклоняясь в сторону.

19 Тот, кто мечтает о посмертной славе, упускает из виду, что каждый, помнящий о нем, сам скоро умрет, за ним последует и тот, кто унаследовал ему, и так до тех пор, пока не угаснет вся память, пройдя поколения помнивших и обреченных. Но допусти, что бессмертны помнящие о тебе и неистребима память. Что тебе до этого? Я не говорю уже, что это – ничто для умерших. Но что до похвалы живому, кроме разве имущественных выгод? Оставь же теперь заблаговременно заботы об этом суетном даре, зависящем только от людской молвы.

20 Все прекрасное, чем бы оно ни было, прекрасно само по себе: похвала не входит в него составной частью. Поэтому от похвалы оно не становится ни хуже, ни лучше. Я имею здесь в виду и то, что называется прекрасным с обычной точки зрения, как, например, материальные вещи и произведения искусства. А в какой похвале могло бы иметь нужду

действительно прекрасное? Не более, чем закон, не более, чем истина, не более, чем благожелательность, не более, чем порядочность. Что из всего этого прекрасно вследствие похвал или извращается благодаря порицанию? Разве смарагд от отсутствия похвалы становится хуже? А золото, слоновая кость, пурпур, мрамор, цветок, растение?

21 Если души продолжают существовать, то каким образом воздух из века вмещает их в себя? – А каким образом вмещает в себе земля тела погребаемых в течение стольких веков? Подобно тому, как здесь тела, после некоторого пребывания в земле, изменяются и разлагаются, и таким образом очищают место для других трупов, точно так же и души, нашедшие прибежище в воздухе, некоторое время остаются в прежнем виде, а затем начинают претерпевать изменения, растекаются, становятся причастными мировому огню, семенообразному логосу Целого, и таким образом уступают место вновь прибывающим. Вот что можно ответить при предположении, что души продолжают существовать. Следует поразмыслить не только над числом погребаемых трупов, но и над числом живых существ, ежедневно поедаемых нами и другими плотоядными животными. А в каком количестве они уничтожаются и как находят свою могилу в телах тех, кому они были на потребу? И однако места для них хватает, ибо они преосуществляются в кровь и принимают свойства воздуха или огня.

Что могло бы помочь распознаванию истины в этом вопро-

се? Различение начала материи и причины.

22 Не следует бросаться из стороны в сторону, но при всякой попытке сообразоваться со справедливостью, а при всяком представлении стремиться к пониманию.

23 Мир! Все, что гармонирует с тобой, пристало и мне, и ничто соответствующее тебе по времени и для меня не наступает слишком рано или слишком поздно. Природа! Все созревающее в смене твоих времен – необходимо и мне. Все исходит от тебя, все пребывает в тебе, все к тебе возвращается. Герой пьесы говорит: «О возлюбленный град Кекропса!». Неужели же ты не скажешь: «О возлюбленный град Зевса!»?

24 «Если хочешь достичь душевного спокойствия», говорит философ, «то ограничь свою деятельность немногим». Но не лучше было бы сказать «необходимым» и тем, что предписывает разум существа, от природы гражданственного, и при том, как он предписывает? В таком случае мы будем обладать не только тем душевным миром, который обуславливается прекрасными поступками, но и тем, который обуславливается их немногочисленностью. Ведь большая часть того, что мы говорим и делаем, не необходимо, и если бы кто-нибудь обошелся без этого, то был бы богаче досугом и беднее тревожениями. Поэтому в каждом отдельном случае следует спрашивать себя: «Относится ли это к числу необходимого?» И устранять следует не только не необходимые поступки, но и не необходимые представления, ибо за ними-то и следуют праздные поступки.

25 Сделай попытку, насколько тебе удастся жизнь хорошего человека, довольствующегося уделом, доставшимся ему в силу устройства Целого, человека, удовлетворяющегося справедливостью своей собственной деятельности и благожелательностью своего настроения.

26 Осмыслил ли ты предыдущее? Ознакомься тогда и с нижеследующим. Не мудри над собой, старайся быть простым. Прегрешает кто-нибудь? Он прегрешает против самого себя. Случилось с тобой что-нибудь? Прекрасно. Все случающееся с тобой было изначально суждено тебе и сопряжено с тобой в силу устройства Целого. Вообще же жизнь мимолетна, надо разумно и справедливо использовать настоящее. Не предавайся излишествам и в часы досуга.

27 Мир или стройный порядок, или же смешение и путаница. Но несомненно первое. Или в тебе может существовать известный строй, а во всем должно быть настроение? И это, когда все обособленно, расчленено и находится в постоянном взаимодействии!

28 Есть характеры мрачные, характеры женственные, упорные, зверские, ребяческие, скотские, вялые, фальшивые, нелепые, вероломные, тиранические.

29 Если чужд миру тот, кто не знает сущего в нем, то не менее чужд и не знающий происходящего. Беглец тот, кто уклоняется от разума гражданственности, слепец – смежающий очи духовные, нищий – кто нуждается в другом и не имеет в самом себе всего полезного для жизни. Кто отступа-

ет и удаляется от разума общей природы, выражает неудовольствие происходящим – отступник от мира. Ведь порождает все происходящее та же природа, что породила и его. Отверженец Града тот, кто обособляет свою душу от души всех разумных существ – единой для всех.

30 Кто философствует без хитона, кто без книг, кто – полуголый. «У меня нет хлеба», говорит он, «и все же я верен разуму». И меня наука не кормит, а все же я остаюсь ей верным.

31 Люби то немудреное искусство, которое ты изучил, и в нем находи удовлетворение. Остаток жизни проживи, как человек, всей душой предавшийся во всем, что его касается, на волю богов, не желая быть ни рабом, ни тираном по отношению к кому-нибудь из людей.

32 Окинь мысленным взором хотя бы времена Веспасиана, и ты увидишь все то же, что и теперь: люди вступают в браки, возвращают детей, болеют, умирают, ведут войны, справляют празднества, путешествуют, обрабатывают землю, льстят, предаются высокомерию, подозревают, злоумышляют, желают смерти других, ропщут на настоящее, любят, собирают сокровища, добиваются почетных должностей и трона. Что случилось с их жизнью? Она сгинула. Перенесись ко временам Траяна: и опять все то же. Опочила и эта жизнь. Взгляни, равным образом, и на другие периоды времени в жизни целых народов и обрати внимание на то, сколько людей умерло вскоре по достижении заветной цели

и разложилось на элементы. Чаще же всего следует возвращаться к тем, которых ты знал лично, как людей стремящихся к суетному и пренебрегавших делом, отвечавшим их собственному строю, не остававшихся ему верными и не довольствовавшихся им. Необходимо также помнить, что внимание, уделяемое каждому делу, оценивается по нему и должно быть соразмерно ему. Таким образом, если ты не будешь заниматься незначительными делами более, чем приличествует, то не придется тебе и разочаровываться.

33 Слова, бывшие некогда обычными, теперь нуждаются в пояснении. То же и с именами некогда прославленных мужей, как Камилл, Цезон, Влез, Леоннат; скоро та же участь постигнет и Сципиона, и Катона, затем Августа, а потом очередь и Адриана, и Антонина. Все краткотечно и вскоре начинает походить на миф, а затем предается и полному забвению. И это я говорю о людях, в свое время окруженных особным ореолом. Что же касается остальных, то стоит им испустить дух, чтобы «не стало о них и помину». Что же такое вечная слава? – Сущая суета. Но есть ли что-нибудь, к чему следует отнести серьезно? Только одно: праведное помышление, общепользная деятельность, речь, неспособная ко лжи, и душевное настроение, с радостью приемлющее все происходящее, как необходимое, как предусмотренное, как истекающее из общего начала и источника.

34 Предайся добровольно Клото, и пусть она ставит тебя в те условия, которые пожелает.

35 Все мимолетно: и тот, кто помнит, и то, о чем помнят.

36 Постоянно думай о том, что все возникающее возникает в силу изменения, и приучай себя к мысли, что ни к чему так не склонна природа Целого, как изменять существующее и творить новое подобное. Ибо все существующее есть некоторым образом семя того, что из него произойдет. Ты же считаешь семенем только засеянное в землю или утробу матери – и коснеешь в невежестве.

37 Твой конец уже близок, а ты все еще не отрешился от всего искусственного, все еще не свободен от треволнений, все еще опасаясь вреда извне, не преисполнен благосклонности ко всем, не понимаешь, что мудрость исключительно в справедливой деятельности.

38 Вникни в руководящее начало людей, в то, что их заботит, к чему они стремятся и чего избегают.

39 Зло коренится для тебя не в руководящем начале других людей и не в превращениях и изменениях твоего тела. – «Но где же?». – В твоей способности составлять себе убеждение о зле. Пусть эта способность пребывает в покое даже тогда, когда наиболее ей близкое, ее тело, режут, жгут, когда оно гноится и гниет, т. е. пусть она рассудит, что нет ни добра, ни зла в том, что равно может случиться как с дурным, так и с хорошим человеком. Ведь то, что одинаково может случиться как с живущим в противоречии с природой, так и с живущим согласно ей, то согласно с природой и не идет против нее.

40 Ты всегда должен мыслить мир, как единое существо, с единой сущностью и единой душой. Подумай о том, как все сводится к его же единому ощущению, как создает оно все единым стремлением, как все содействует возникновению всего, какая во всем связь и соответствие.

41 «Человек – это душонка, обремененная трупом», как говорил Эпиктет.

42 Нет ничего дурного в том, чтобы претерпеть изменение, как нет ничего хорошего в существовании благодаря ему.

43 Время есть река Возникающего и стремительный поток. Лишь появится что-нибудь, как уже проносится мимо, но проносится и другое, и вновь на виду первое.

44 Все происходящее так же обычно и известно, как роза весной и виноград осенью. Таковы и болезнь, и смерть, и клевета, и злоумышление, и все то, что радует или огорчает глупцов.

45 Последующее всегда родственно предыдущему. Здесь мы имеем дело не со счислением разнородного, лишь насильственно приводимого к единству, а со связью, сообразной разуму. И подобно тому, как гармонически слаженно все сущее, и все возникающее являет не бессмысленное чередование, а чудесную внутреннюю близость.

46 Всегда помни изречение Гераклита: «Для земли смерть стать водой, для воды – воздухом, для воздуха – огнем и наоборот». Следует помнить и о человеке, забывшем, куда ве-

дет путь, и о том, что люди отступают от все пронизывающего разума Целого, с которым они находятся в постоянном общении, о том, что чуждым кажется им то, с чем они сталкиваются каждый день, что не нужно говорить и поступать как во сне (ибо и тогда нам кажется, будто мы говорим и действуем) и что не следует поступать подобно детям, слепо подражающим примеру родителей.

47 Если бы кто-нибудь из богов сказал тебе, что ты умрешь завтра или уже во всяком случае послезавтра, то едва ли ты стал бы добиваться, чтобы это произошло послезавтра, если ты не труслив до низости. Ибо ничтожна разница! Точно так же не считай очень важным, умрешь ли ты по истечении многих лет или же завтра!

48 Всегда размышляй о том, сколько умерло врачей, хмуривших чело над ложем больного, сколько математиков, гордившихся своими предсказаниями смерти другим людям, сколько философов, распространявших о смерти и бессмертии; сколько воителей, загубивших множество людей, сколько тиранов, пользовавшихся своей властью над чужой жизнью с таким высокомерием, точно они сами были бессмертны. Сколько погибло целых городов, как Геликия, Помпеи, Геркуланум и бесчисленное множество других. Вспомни и тех, кого ты знал лично: один хоронит одного, другой – другого, а затем умирают и сами – и все это в течение краткого промежутка времени. Смотри на все человеческое, как на мимолетное и кратковечное – то, что было вчера

еще в зародыше, завтра уже мумия или прах. Итак, проводи оставшийся момент времени в согласии с природой, а затем расстанься с жизнью так же легко, как падает созревшая олива: славословя природу, ее породившую, и с благодарностью к произведшему ее дереву.

49 Будь подобен скале: волны беспрестанно разбиваются о нее, она же стоит недвижимо, и вокруг нее стихают взволнованные воды.

Я несчастен потому, что со мной случилось то-то и то-то. — Отнюдь нет. Наоборот, я счастлив потому, что, хотя это и случилось со мной, я все же не предаюсь печали, не сломлен настоящим, не трепещу перед грядущим. Случиться ведь это могло со всяким, но не всякий бы остался чуждым печали. Почему же первое более несчастье, нежели второе счастье? Назовешь ли ты вообще несчастьем для человека то, что не препятствует человеческой природе достичь ее цели? Но кажется ли тебе таким препятствием то, что не вступает в противоречие с требованиями человеческой природы? В чем же заключаются эти требования? Ты знаешь их.

Разве случившееся мешает тебе быть справедливым, великодушным, благоразумным, рассудительным, осторожным в суждениях, правдивым, скромным, откровенным и обладать всеми другими свойствами, в наличии которых особенность человеческой природы? Не забывай при всяком событии, повергающем тебя в печаль, опираться на основную мысль: «Не событие это является несчастьем, а способ-

ность достойно перенести его – счастьем».

50 Простое, но действенное средство для того, чтобы научиться презирать смерть, – это воскрешать в памяти тех, кто жадно цеплялся за жизнь. Чем им лучше, нежели умершим преждевременно? Лежат где-нибудь и Катилиан, и Фабий, и Юлиан, и Лепид, и им подобные, многих схоронившие, а затем погребенные и сами. Разница во времени вообще незначительна, да и при каких условиях, с какими людьми и в каком жалком теле придется провести это время! Итак, не считай все это важным. Оглянись назад – там безмерная бездна времени, взгляни вперед – там другая беспредельность. Какое же значение имеет, по сравнению с этим, разница между тем, кто прожил три дня, и прожившим три человеческих жизни?

51 Всегда иди кратчайшим путем. Кратчайший же – путь, согласный с природой: он в том, чтобы блюсти правду во всех речах и поступках.

Подобное решение избавит тебя от утомления, борьбы, притворства и тщеславия.

Пятая книга

1 Если тебе не хочется подыматься чуть свет, то скажи себе: «Я встаю, чтобы приняться за дело человеческое. Неужели же я буду досадовать, что иду на дело, ради которого я создан и послан в мир! Неужели мое назначение – греться, растянувшись на ложе?» – «Но последнее приятнее». – «Так ты создан для наслаждения, а не для деятельности и напряжения сил? Почему ты не смотришь на растения, пичужек, муравьев, пауков, пчел, делающих свое дело и, по мере сил своих, способствующих красоте мира? Ты же не желаешь делать дела человеческого? И не спешишь к тому, что отвечает твоей природе?». – «Но ведь нужно и отдохнуть». – «Согласен. Однако природа установила для этого известную меру, как установила ее и для еды, и для питья. Но ты идешь дальше меры и дальше того, что достаточно. В деятельности же своей ты не достигаешь этой меры, не доходишь до границ возможного, ибо ты не любишь самого себя. Иначе ты бы любил и свою природу, и ее требования. Другие, любящие свое искусство, всецело отдаются своему делу, забыв и помыться, и поесть. Ты же меньше ценишь свою природу, нежели гравер – гравирование, танцор – танцы, сребролюбец – деньги, честолюбец – славу. Все они, когда увлекутся, предпочитают не есть и не спать, только бы приумножать то, к чему лежит их душа. Неужто общепользная деятельность кажется тебе

менее значительной и менее достойной усилий?».

2 Как легко, отбросив и подавив всякое тягостное и неподобающее представление, тотчас же достичь полного мира душевного.

3 Считаю себя достойным всякого слова и дела, согласных с природой. Пусть не смущают тебя чьи-нибудь последующие упреки и пересуды. Если можешь сделать или сказать что-нибудь прекрасное, то смело берись за это! Ведь у каждого свое руководящее начало, и каждый следует своим стремлениям. Не смотри на это, но прямо или, следуя и своей природе, и общей, ибо един путь и той, и другой.

4 Я буду идти, неуклонно держась своей природы, пока не свалюсь; лишь тогда я отдохну, отдав свое дыхание тому, из чего я черпал его ежедневно, и возвратившись туда, откуда изошло семя моего отца, кровь матери, молоко кормилицы, в ту землю, которая столько лет кормила и поила меня, которая носит меня, топчущего ее и пользующегося сверх меры ее дарами.

5 Ты не можешь никого удивить своей быстрой сообразительностью. Пусть так. Но есть многое другое, относительно чего ты не можешь сказать: «Я не рожден для этого». Проявляй же те свойства, которые всецело зависят от тебя: чистосердечие, серьезность, выносливость, пренебрежение к наслаждениям, довольство своей судьбой, умеренность в потребностях, благожелательность, свободу, скромность, отсутствие пустословия и высокомерия. Знаешь ли

ты, что еще во многом мог бы проявить себя, не ссылаясь на природную неспособность, и все же добровольно остаешься на прежнем уровне? Или же к тому, чтобы роптать, жадничать, льстить, во всем винить свое жалкое тело, потворствовать ему, превозноситься и испытывать подобные душевные волнения, также принуждает тебя отсутствие способностей? Нет, клянусь богами, нет! Напротив, ты давно бы мог отделаться от всего этого. Если же ты действительно признаешь в себе недостаточную быстроту понимания и сообразительности, то этот недостаток следует уничтожить упражнением, а не потворствовать своей лени, махнув на все рукой.

6 Одни люди, сделав кому-нибудь одолжение, склонны требовать от него признательности. Другие не склонны к этому, но в глубине души считают его своим должником и отдают себе отчет в том, что они сделали. Есть, наконец, и такие, которые не думают об этом. Они подобны лозе, приносящей виноград и ничего не требующей после того, как произведет свой плод: так бегают лошадь, так выслеживает собака, так собирает мед пчела. Человек, сделавший добро, не кричит об этом, а переходит к другому делу, как лоза, которая в урочное время должна вновь принести виноград. — «Итак, следует быть в числе тех, которые, делая добро, некоторым образом не отдают себе отчета в том, что они делают?» — «Да». — «Но добро и есть именно то, в чем необходимо отдать себе отчет; ведь человеку, преданному общему благу, свойственно знать, что его деятельность отвечает общему благу, и желать,

чтобы и другие знали об этом». – «Ты говоришь правду. Но ты не улавливаешь смысл сказанного и потому будешь одним из тех, о которых я упомянул раньше. Ведь и их вводит в заблуждение видимость разумной убедительности. Но если ты хочешь понять сказанное, то не бойся, что тебе придется из-за этого упустить какое-нибудь общепольное дело».

7 Молитва афинян: «Пролейся, пролейся дождем, благодатный Зевс, над пашнями и полями афинскими». Или вообще не следует молиться, или молиться с такой простотой и благородством.

8 Смысл выражений: «Асклепий назначает такому-то верховую езду, холодные обмывания или ходьбу босиком» и «Природа Целого назначает такому-то болезнь, или увечье, или лишение чего-нибудь» – вполне совпадает. Ведь в первом случае слово «назначает» показывает, что врач определил такому-то нечто помогающее его здоровью, а во втором, – что приходящееся на долю каждого определено ему, как отвечающее его судьбе. Поэтому мы и говорим, что нечто «пришлось» на нашу долю, подобно тому, как строители говорят о четырехугольных камнях в стенах или пирамидах, что они «пришлись» друг к другу, если они находятся в каком-нибудь гармоническом сочетании. Ведь единая гармония проникает все. И подобно тому, как из всех тел слагается мир – совершенное тело, так и из всех причин слагается судьба – совершенная причина. Мои слова должны быть понятны и для людей совсем простых. Ведь они же го-

ворят: «Судьба ниспослала это». Следовательно, такому-то ниспосылается то-то, такому-то назначается то-то. Будем же относиться к этому так же, как к тому, что назначает Асклепий. Ведь и в последнем случае многое нам не по вкусу, однако надежда на здоровье побуждает нас с радостью пойти на это. Пусть же исполнение и осуществление замыслов общей природы кажется тебе чем-то подобным твоему здоровью. Поэтому прими с радостью все совершающееся, даже если оно кажется тебе тягостным, ибо оно ведет к известной цели, к здравью мира, благоденствию Зевса и успеху его начинаний. Он никому не ниспослал бы этого, если не способствовало бы это благу Целого. Ведь и природа любой вещи не производит ничего, что не было бы на потребу подвластному ей. Итак, следует любить все происходящее с тобой по двум причинам. Во-первых, происшедшее с тобой было предназначено тебе и как бы имело в виду тебя, будучи связано с тобой еще силой изначальной причины. Во-вторых, оно является причиной благоуспешности, совершенства и самого существования миродержавного правителя. Ведь Целое будет извращено, если ты хоть в чем-нибудь нарушишь согласие и связь, как частей его, так и причин. Но именно это ты и делаешь, по мере своих сил, когда выражаешь недовольство чем-нибудь и как бы устранишь его.

9 Не следует ни негодовать, ни унывать, ни разочаровываться, если тебе не вполне удастся во всем действовать согласно правильным основоположениям. Пусть ты потерпел

неудачу, все же нужно вновь вернуться к тому же, быть довольным, если в большинстве случаев ты поступаешь достойно человека, и любить то, к чему ты возвращаешься. К философии следует возвращаться, не как ребенок к своему дядьке, но как страдающие глазами к своим лекарствам, губке или яйцу, другие – к целебной мази или водяному душу. Тогда легко тебе будет повиноваться разуму и ты найдешь в нем свое успокоение. Помни же, что философия желает того же, что и твоя природа; ты же желаешь и другого, несогласного с твоей природой. Но что более привлекательно? Разве наслаждение не сбивает нас на ложный путь именно благодаря тому, что кажется (воспринимается) таковым? Вникни, однако, не будут ли более привлекательны великодушные, свобода, простота, праведность, благочестие. А что привлекательнее самого разумения, если под ним понимать способность соображения и познания, счастливо преодолевающую все препятствия?

10 Сущность настолько сокрыта от нас, что многим философам, и незаурядным, она представляется совершенно непостижимой. И даже стоики сами признают ее труднопостижимой. Наше согласие с чем-нибудь не есть нечто неизменное. Где, в самом деле, человек, не менявший своих взглядов? Перейди теперь к окружающим тебя предметам: как все кратковечно и мимолетно, как легко может стать достоянием распутника, блудницы или разбойника! Присмотришь, далее, к нравам твоих современников: с трудом мож-

но ладить даже с самым уживчивым из них, чтобы не сказать, что кое-кто еле выносит самого себя. Я отказываюсь понять, что в этом мраке, в этой грязи, при такой текучести и материи, и времени, и движения, и движимого могло бы еще стать предметом почитания или вообще серьезного отношения. Наоборот, следует бодро ждать своего естественного конца, не досадуя на его замедление и утешая себя следующими двумя положениями. Во-первых, со мной не может случиться ничего, что не отвечало бы природе Целого. Во-вторых, я могу не делать ничего против моего божества и гения. Ибо никто не может принудить меня к этому.

11 Какое употребление делаю я теперь из моей души? Вот вопрос, который следует себе ставить во всяком положении и исследовать далее, что происходит с тою частью моего существа, которую называют руководящей. Чья душа теперь у меня? Не ребенка ли? Не юноши ли? Не слабой ли женщины, или тирана, или скота, или дикого зверя?

12 Что представляет собою то, что большинству людей кажется благом, ты мог бы узнать хотя бы из следующего. Если кто-нибудь помышляет об истинных благах, таких, как разумение, благоразумие, справедливость, мужество, то, задаваясь такими мыслями, он не рисковал бы выслушать известное изречение: «От благ и т. д.», ибо оно здесь совсем неуместно. Но если кто помышляет о том, что кажется благом большинству людей, то он не только выслушает изречение комического поэта, но и охотно согласится с ним, как

с метким словом. И большинство людей представляет себе именно так это различие; иначе это изречение не было бы столь оскорбительно и непристойно. Ведь если применять его к богатству и тому, что служит роскоши и славе, то мы вполне согласны с ним, как с удачным и остроумным словом. Сделай же следующий шаг и спроси себя, следует ли чтить и считать благом то, при мысли о чем вполне уместно замечание: «Приобретшему эти блага в изобилии некуда будет и помочиться».

13 Я состою из начала причинного и материального. Ни то, ни другое не перейдет в небытие, как и не возникло оно из небытия. Поэтому каждая часть моего существа по изменении сделается какой-нибудь частью мира, последняя, изменившись, в свою очередь, сделается другой частью мира и так до бесконечности. Ведь и я возник в силу изменения, и те, кто породили меня, и т. д. – также до бесконечности. Все это остается верным и в том случае, если мир подчинен закону периодичности.

14 Разум и искусство разумной жизни суть способности, довольствующиеся собой и делами, согласными с ними. Их стремление направляется свойственным им началом, их путь прямо ведет к положенной им цели. Поэтому согласные с ними действия называются правильными, что указывает на правильность пути.

15 Ничто из того, что не принадлежит человеку, поскольку он человек, не может быть названо свойственным челове-

ку. Все это не составляет требований человека, не предписывается ему природой, не является ее совершенством. Не в этом цель человека, а следовательно, и завершение цели – благо.

Ведь если бы, далее, что-нибудь из этого было свойственно человеку, то не могло бы быть свойственно ему пренебрежение и противодействие по отношению к этому, и не был бы достоин похвалы тот, кто стремится не нуждаться в этом. Будь это благом, не мог бы быть хорошим человек, отказывающий себе в чем-нибудь подобном. На самом деле человек тем лучше, чем полнее его отречение от этого или чем легче он переносит лишение чего-нибудь подобного.

16 Каковы по большей части твои представления, таковым же будет и твое помышление. Ибо душа пропитывается этими представлениями. Пусть же она постоянно пропитывается у тебя представлениями вроде нижеследующих. Где есть возможность жить, там можно и хорошо жить: при дворе можно жить, следовательно, там можно и хорошо жить. И далее: каждая вещь стремится к тому, ради чего она была создана, а в том, к чему она стремится, – ее цель; но где цель каждой вещи, там же ее польза и благо. Благо же разумного существа – общение. А что мы созданы для общения – это доказано уже давно. Разве не очевидно, что низшие существа созданы для высших, а высшие друг для друга? Одушевленные – выше неодушевленных, из одушевленных же высшими являются разумные.

17 Стремиться к невозможному – безумно. Но невозможно, чтобы дурные люди так не поступали.

18 Ни с кем не случается ничего такого, чего он не в силах был бы вынести. Случается то же самое и с другими, и они, потому ли что не знают, что с ними случилось, или потому, что желают щегольнуть своим возвышенным образом мыслей, остаются твердыми и непоколебимыми. Было бы ужасно, если бы невежество и тщеславие оказались сильнее разума.

19 Сами вещи отнюдь не соприкасаются с душой. Им нет доступа в душу, они не могут ни изменить ее, ни привести ее в движение. Изменение же и движение в ней лишь от нее самой. А каким будет для нее все предлежащее ей – зависит от того, каких суждений она сочтет себя достойной.

20 Человек является для нас существом наиболее близким, поскольку мы обязаны делать людям добро и не тяготиться ими. Если же кто-нибудь из людей противодействует исполнению моих обязанностей, то он становится для меня не менее безразличным, нежели солнце, ветер, дикий зверь. Все это может помешать какому-либо делу, но не изменить настроения и стремления благодаря способности души к преодолению препятствия и претворению противодействия в нечто более предпочтительное. Поэтому то, что было препойой для данного действия, может стать средством для другого, а то, что стояло на пути, само укажет путь.

21 Чти наиболее совершенное из существующего в ми-

ре; им будет то, что всем пользуется и всем правит. Равным образом почитай наиболее совершенное из существующего в тебе: оно сродни первому. Ибо и в тебе оно то, что пользуется всем другим, а твоя жизнь направляется им.

22 Что не причиняет вреда Граду, не вредит и гражданину. Каждый раз, когда возникает представление о вреде, применяй следующее правило: «Если это не приносит вреда Граду, то не приносит и мне». Если же Граду причинен вред, то не сердиться следует на виновного, а указать ему его заблуждение.

23 Чаше размышляй о том, с какой быстротой проносится и исчезает из виду все сущее и происходящее. Ибо сущность подобна непрерывно текущей реке; действия беспрестанно сменяют друг друга, причины подлежат бесчисленным изменениям. И нет, по-видимому, ничего устойчивого, а рядом с нами – безмерная бездна прошедшего и грядущего, в которой все исчезает. Так не глупцом ли будет тот, кто станет гордиться чем-нибудь подобным, или волноваться по его поводу, или же жаловаться, точно дело идет о бремени, которому предстоит длиться века?

24 Вспомни о сущности в ее целом: в какой ничтожной доле ты участвуешь в ней; о времени в его целом, от которого тебе уделен лишь краткий и мимолетный срок; о судьбе: какой незначительной частицей ее ты являешься!

25 Кто-нибудь поступает плохо по отношению ко мне? Ну что ж, это его дело. У него свое душевное настроение и свой

образ действий. Я же таков, каким желает, чтобы я был, общая природа, и поступаю так, как желает, чтобы я поступал, моя собственная природа.

26 Не позволяй порывистости или медлительности твоих движений воздействовать на господствующую часть души. Оберегай ее от внешнего влияния, ограничивая движения членов тела их пределами. Если же движение сообщается душе другим путем, посредством телесных органов чувств, то в таком случае не нужно пытаться противодействовать ощущению, ибо оно существует согласно природе. Ведь господствующее начало не может ограничиваться лишь убеждением в добре и зле.

27 Живи в общении с богами! Но в общении с богами живет тот, кто постоянно являет им свою душу довольной своим уделом, действующей согласно желаниям гения, которого Зевс дал каждому человеку, как наставника и руководителя, и который есть частица его самого. Этот гений есть дух и разум каждого из нас.

28 Будешь ли ты сердиться на человека, от которого пахнет потом, или у которого скверно пахнет изо рта? Что ему делать? Такой уже у него рот и такие подмышки, что, против его воли, исходит от них такой запах. «Но ведь человек», – возразят мне, – «обладает разумом и может, при некотором внимании, усмотреть, в чем его недостаток». – Правильно. Но в таком случае и ты обладаешь разумом. Пусть же разумное убеждение в тебе приведет в движение разумное убеж-

дение в другом. Доказывай, напоминай. Если он услышит тебя, то исцелится, и не будет уже нужды в гневе.

Не следует уподобляться ни трагическому актеру, ни блуднице.

29 Ты можешь здесь жить так, как рассчитываешь жить, уйдя отсюда. Если же тебя лишают этой возможности, то расстанься с жизнью, но как человек, не усматривающий в этом никакого зла. Дым ест мне очи, и я ухожу. Считаешь ли ты это особым подвигом? Но пока ничто не гонит меня вон, я остаюсь свободным, и никто не помешает делать то, что я желаю. Желания же мои согласны с природой существа разумного и общежительного.

30 Ум Целого требует общения. Поэтому менее совершенные существа он создал ради более совершенных, а более совершенные приноровил друг к другу. Ты видишь, какое он всюду установил подчинение и соподчинение, каждому дал в меру его достоинства и привел наиболее совершенные существа к единомыслию.

31 Как ты вел себя до сего дня по отношению к богам, родителям, братьям, супруге, детям, учителям, воспитателям, друзьям, родственникам, домочадцам? Можешь ли ты сказать о себе:

«До сих пор никого не обидел ни словом, ни делом»?

Вспомни, сколько ты пережил и сколько имел мужество перенести. Вспомни, что история твоей жизни уже близка к окончанию и срок служения – на исходе. Вспомни, сколь-

ко ты видел прекрасного, ко скольким наслаждениям и страданиям отнесся с пренебрежением, как презирал суетную славу и сколько раз показал себя праведным по отношению к неправедным.

32 Как могут люди без образования и неучи смутить покой человека образованного и знающего? Кого же следует назвать образованным и знающим? Того, кто знает начало и цель, и разум, проникающий все сущее и извечно управляющий всем по размеренным периодам.

33 Еще немного – и ты прах или кости; останется одно имя, а то и его не найти. Имя же – пустой звук и бездушное эхо. Все блага, ценимые в жизни, суетны, бренны, ничтожны и подобны молодым псам, кусающим друг друга, и капризным детям, то смеющимся, то вновь плачущим. Верность же и стыд, справедливость и истина удалились с пространной земли на Олимп.

Что еще удерживает тебя тут? Все воспринимаемое чувствами изменчиво и неустойчиво, сами чувства смутны и легко поддаются обману, а сама наша душонка – испарина крови. Разве не суетно желание пользоваться славой у таких созданий? Почему же не ожидаешь ты с легким сердцем своего уничтожения или изменения во что-нибудь другое? Но как быть до тех пор, пока не наступил еще этот момент? Чтить и славить богов, делать добро людям, не тяготиться ими, но и не сближаться с ними слишком, помнить, что все, находящееся вне твоего бренного тела и такой же жизненной

силы, не принадлежит тебе и от тебя не зависит.

34 Если ты можешь избрать правильный путь и надлежащим образом составлять свое убеждение и действовать, то можешь быть счастливым. Две особенности общие, – как души бога, так и душа человека и всякого разумного существа. Во-первых, ничто чуждое душе не может оказаться для нее препятствием. Во-вторых, душа может полагать свое благо в праведном настроении и действии и ими ограничить свое стремление.

35 Если что-нибудь не является ни пороком во мне, ни действием моего порока и в то же время не причиняет вреда Целому, то стоит ли мне по его поводу тревожиться? Но что могло бы причинить вред Целому?

36 Не отдавайся всецело полету своего воображения, но помогай другим, по мере возможности и поскольку они заслуживают. Даже если у них ощущается недостаток в вещах безразличных. Но не воображай, что этот недостаток означает вред: зла тут нет никакого. Старец, уходя, настоятельно требует у своего питомца кубарь, хотя и знает, конечно, что это всего-навсего игрушка. Также и тут. Но когда ты говоришь с трибуны: «Человек, не забыл ли ты, о чем идет речь?» – «Да. Но ведь все так стремятся к этому». – Неужели же на этом основании и ты должен стать глупцом?

Куда бы я не попал, я могу быть счастлив. Счастлив же тот, кто уготовил себе благую участь. Благая же участь – это благие склонности души, благие стремления, благие дела.

Шестая книга

1 Сущность Целого податлива и послушна. Разум же, управляющий ею, не таит никакой причины, которая могла бы побудить его делать зло. Ведь зла в нем нет, он ничего злого не делает, и ничто не терпит от него вреда. Но все возникает и совершается согласно ему.

2 Пусть будет для тебя безразлично, терпишь ли ты, исполняя свой долг, холод или зной, клонит ли тебя ко сну, или ты уже выпался, плохо ли о тебе отзываются, или хорошо, готовишься ли умирать, или сделать что-нибудь другое. Ведь смерть есть одна из наших жизненных задач, и для ее решения достаточно надлежащего выполнения текущих дел.

3 Не довольствуйся поверхностным взглядом. От тебя не должны ускользнуть ни своеобразие каждой вещи, ни ее достоинство.

4 Все предметы подлежат очень быстрому изменению: им предстоит или испариться (если сущность всего едина), или же рассеяться.

5 Правящий разум знает самого себя, знает, что делать, и с какой материей имеет дело.

6 Лучший способ оборониться от обиды – это не уподобляться обидчику.

7 В одном ищи радости и успокоения: в том, чтобы от одного общепользного дела переходить к другому, памятуя

о бoге.

8 Господствующее начало само себя побуждает и Направляет. Оно делает себя таким, каким желает, и от него же зависит сделать так, чтобы все казалось ему таким, каким оно само желает.

9 Все совершается согласно природе Целого, а не какой-либо иной сущности, объемлющей ли ее извне, или талящейся внутри, или же обособленной.

10 Или смешение, сплетение и рассеяние, или же единение, порядок и промысел. Если допустить первое, то что может побудить меня оставаться далее в этой дикой путанице и смятении? О чем мне еще заботиться, как не о предстоящем превращении в землю? Что может волновать меня? Что бы я ни делал, и до меня дойдет рассеяние. Если же допустить второе, то я преисполняюсь благоговения и мужества и уповаю на промысел.

11 Если обстоятельства понудят тебя изменить своему душевному равновесию, то поспеши вернуться к самому себе и не отступать сверх необходимости от размеренных движений своей души. Ведь чем чаще будешь ты возвращаться к гармонии, тем более и более будешь укрепляться в ней.

12 Если бы у тебя были одновременно и мачеха, и родная мать, то ты, конечно, относился бы к первой с уважением, но тебя постоянно тянуло бы к матери. Таковыми являются для тебя двор и философия. Постоянно же возвращайся к философии и ищи в ней успокоения; благодаря ей и жизнь при

дворе не будет тебе в тягость, и сам ты не будешь в тягость другим.

13 Относительно мясных блюд и вообще подобных кушаний можно приучить себя к такому взгляду: это вот труп рыбы, это – труп птицы или поросенка. Равным образом, фалернское вино – выжатый сок винограда, пурпур – шерсть овцы, окрашенная кровью улитки, соитие – трение известных органов и выбрасывание семени, соединенное с особыми спазмами. Такого рода представления, доходя до самих вещей и проникая в них, дают возможность увидеть, каковы они на самом деле. Так следует поступать всю жизнь. Если какие-либо вещи кажутся нам безусловно заслуживающими нашего одобрения, следует обнажить их, прозреть всю их суетность и устранить ореол, придаваемый им рассказами. Ибо ничто неспособно так вводить в заблуждение, как тщеславие; и подводит оно тебя более всего тогда, когда тебе кажется, что ты занят самым серьезным делом. Посмотри-ка, что говорит Кратет о самом Ксенократе.

14 Большинство людей восторгается обыкновенно самыми обыденными вещами, относящимися к мертвой или растительной природе, как-то: камнями, досками, смоковницами, виноградными лозами, маслинами. Несколько более развитые люди – существами одушевленными, – к примеру, стадами мелкого или крупного скота. Люди, стоящие на следующей ступени развития, – тем, что одарено разумной душой, не имеющей, однако, вселенского характера, но обла-

дающей специальными познаниями или же какими-нибудь дарованиями, или даже лишенной их: сюда относится обладание большим числом рабов. Тот же, кто чтит душу разумно-вселенскую и гражданственную, не смотрит уже ни на что другое. Его более всего занимает, как сохранить разумность и уважение к общественности в своей душе и помочь в том же своему ближнему.

15 Одно спешит к существованию, другое спешит из него, и из того, что возникло, кое-что уже исчезло. Поток изменения постоянно обновляет мир, как непрерывное течение времени постоянно сообщает юность беспредельной вечности. Что могло бы стать для кого-нибудь предметом почитания в этом потоке бегущих явлений, ни на одном из которых нет возможности остановиться? Это было бы похоже на то, если бы кто-нибудь вздумал облюбовать одну из пролетающих птиц, – а она уже скрылась из глаз. Такова же и жизнь каждого из нас – испарение крови и вдыхание воздуха. Ведь нет разницы между однократным забиранием и возвращением воздуха (что производим ежемгновенно), и возвращением самой способности дыхания, полученной тобой вчера или позавчера, при рождении, туда, откуда ты ее первоначально получил.

16 Ценно не выдыхание воздуха, имеющееся и у растений, и не вдыхание его, которым обладают и скоты, и звери, не способность получить извне представления и определяться стремлением, не стадная жизнь, и не питание; все это ни-

чем не лучше обратного выделения остатков пищи. Но что же, наконец, ценно? Выражение одобрения? Нет. Следовательно, и не выражение одобрения с помощью языков; ведь к этому-то, именно, и сводится то доброе имя, которое может дать толпа.

Итак, ты отрекся и от суетной славы. Что же остается ценного? Мне кажется, деятельность, согласная с твоей природой, и верность ей — т. е. именно то, на что направлены и все занятия, и искусства. Ведь всякое искусство стремится к тому, чтобы его произведения соответствовали тому делу, для которого они были приготовлены: этого добивается и садовод, заботящийся о виноградной лозе, и укротитель коней, и собачник. А к чему стремятся воспитание и обучение? Это-то и ценно. И если в этом отношении все обстоит благополучно, то ты уже не будешь нуждаться ни в чем другом. Но ты не можешь отказаться и от многих других ценностей? В таком случае ты не будешь обладать ни свободой, ни самоудовлетворенностью, ни безмятежностью. Тебе, по необходимости, придется завидовать, ревновать, подозревать тех, которые способны отнять у тебя ценимые тобою вещи, и злоумышлять против тех, которые обладают ими. Вообще, ощущающий недостаток в чем-нибудь из подобных вещей необходимо должен прийти в замешательство и начать хулить богов. Если же ты будешь бережно относиться к собственной душе и ценить ее, ты будешь удовлетворен самим собой, будешь ладить с людьми и соглашаться с богами, т. е. хвалить

все, что они ниспошлют и назначат тебе.

17 Элементы несутся вверх, вниз и в круговороте. Движение же добродетели не следует ни одному из этих направлений, но есть нечто более божественное: оно продвигается вперед верным, хотя и трудно постигаемым путем.

18 Что делают люди! Своих современников, живущих вместе с ними, они прославлять не желают. А сами между тем чрезвычайно высоко ставят славу у потомков, которых они никогда не видели и не увидят. Ведь это почти то же, что огорчаться по поводу того, что уже предки не пели тебе хвалы.

19 Если что-либо тебе не по силам, то не решай, что оно невозможно для человека. Но если что-нибудь возможно для человека и свойственно ему, то считай, что оно доступно и тебе.

20 Во время гимнастических упражнений кто-нибудь оцарапал тебя ногтем или ударом головы поставил синяк. Мы не придаем значения этому, не обижаемся и не будем в дальнейшем смотреть на него, как на злоумышленника, хотя и будем беречься его, не как врага, или человека подозрительного; мы просто будем спокойно уступать ему дорогу. Пусть будет так и в остальной жизни: многого не должны мы ставить в счет тем, кто как бы упражняется вместе с нами на жизненной арене. Ведь можно, как я сказал, уклоняться от встреч, не подозревая и не ненавидя.

21 Если кто-нибудь может с очевидностью доказать мне,

что я неправильно сужу или действую, то я с радостью изменюсь. Ибо я ищу истины, от которой еще никто никогда не потерпел вреда. Терпит же вред тот, кто упорствует в своем заблуждении и невежестве.

22 Я исполняю свой долг. Ничто другое не отвлекает моего внимания: это или нечто неодушевленное, или неразумное, или заблудшее, или же не знающее пути.

23 К существам неразумным и вообще ко всем вещам и предметам относись с великодушием и достоинством, как существо, обладающее разумом, – к тому, что не обладает им. К людям же, как существам разумным, относись как к равным. И всегда призывай богов. И пусть будет для тебя не важно, сколько времени продлится такая деятельность. Достаточно и трех часов.

24 Смерть уравнила Александра Македонского с его погонщиком мулов. Ибо они или были поглощены потенциями мира, несущими семена будущего, или же распались на атомы.

25 Подумай о том, сколько явлений возникает в теле и душе каждого из нас в течение одного момента времени, и ты не будешь удивляться тому, как несравненно больше, вернее, все сосуществует в том Едином и Целом, которое мы называем миром.

26 Если кто-нибудь спросит тебя, как пишется имя «Антонин», то неужели же ты станешь выкрикивать каждую из составляющих его букв? А если на тебя будут сердиться, бу-

дешь ли ты также сердиться в свою очередь? Разве ты не перечислишь спокойно и по порядку все отдельные буквы? Помни же, что и всякая обязанность составляется из отдельных моментов, которые можно перечислить. Их-то и должно блюсти, и без суетливости, не отвечая раздражением, надлежащим образом исполняя очередное дело.

27 Не жестоко ли не позволять людям стремиться к тому, что им кажется пристойным и полезным? Но досадуя на их заблуждения, ты не позволяешь им этого.

Ведь они же всегда стремятся к тому, что им представляется пристойным и полезным. — «Но на самом деле это не так». — Тогда поучай и указывай, но не выходи из себя.

28 Смерть кладет предел способности получать ощущения, которые вызывают в нас стремления к блужданию мысли и служению телу.

29 Позор, если в той самой жизни, в которой тебе не отказывается служить тело, отказалась бы служить душа.

30 Не иди по стопам Цезарей и не позволяй себя увлечь: ведь это бывает. Старайся сохранить в себе простоту, добродетельность, неиспорченность, серьезность, скромность, приверженность к справедливости, благочестие, благожелательность, любвеобилие, твердость в исполнении надлежащего дела. Употребь все усилия на то, чтобы остаться таким, каким тебя желала видеть философия. Чти богов и заботься о благе людей. Жизнь коротка; единственный же плод земной жизни — благочестивое настроение и деятельность,

согласная с общим благом. Во всем будь учеником Антонина. Подражай его настойчивости в деятельности, согласной с разумом, никогда не изменявшей ему уравновешенности и благочестию, ясности его чела, вежливости в обращении, презрению к суетной славе и рвению в познании вещей. Он никогда не проходил мимо чего-нибудь, не рассмотрев его внимательно и не отдав себе в нем ясного отчета. Как терпеливо переносил он несправедливые упреки, не отвечая на них тем же! Как ни в чем не обнаруживал он опрометчивости и как невосприимчив он был к клевете! Как тщательно исследовал он характеры и поступки! Как далек он был от желания все хулить, от пугливости, подозрительности и софистики! Как скромны были его требования, когда подымался вопрос о помещении, ложе, одежде, еде, услугах, и как он был трудолюбив и сдержан! Благодаря своему простому образу жизни он мог оставаться в одном месте до вечера, а естественные нужды удовлетворять лишь в определенные часы. Как он был верен и ровен в своих дружеских отношениях! Как терпеливо выслушивал он тех, которые откровенно высказывались против его мнения, и как радовался, если кто-нибудь предлагал лучшее! Как он был благочестив и в то же время чужд суеверия! Пусть свой последний час ты встретишь с такой же спокойной совестью, как он!

31 Очнись и приди в себя! Проснувшись и убедившись, что тебя тревожили только сны, ты вновь пробудись и смотри на все происходящее так же, как ты только что смотрел на

сонные видения.

32 Я состою из тела и души. Для тела все безразлично, ибо оно неспособно к различию. Для души же безразлично все то, что не есть ее действие. А все ее действия зависят от нее же самой. Но и из действий – лишь имеющие отношение к настоящему. Ибо будущее и прошедшее – безразличны.

33 Труд для руки и ноги не противоречат природе, пока рука и нога делают то, что им свойственно. Точно так же и труд для человека, как человека, не противоречит природе, пока человек делает то, что свойственно человеку. Но если он не входит в противоречие с природой, то он и не есть зло.

34 Сколько наслаждений испытали грабители, распутники, отцеубийцы, тираны?

35 Не замечаешь ли ты, что простые ремесленники, прииспособляясь до известной степени ко вкусу невежд, тем не менее крепко держатся разума своего искусства и не отступают от него? Не ужасно ли, что архитектор или врач более чтят разум своего искусства, нежели человек свой собственный разум, общий у него с богами!

36 Азия, Европа – только уголки мира, весь океан – капля в мире, гора Афон – ком земли в мире. Все настоящее – мгновение вечности. Все ничтожно, непостоянно, подлежит исчезновению. Все исходит от одного общего руководящего начала непосредственно или же в силу необходимой связи. И пасть льва, и яды, и все вредоносное, как шипы или тина, есть сопринадлежность совершенного и прекрасного. Не во-

ображай же, что оно чуждо тому, что ты чтишь, но постоянно возвращайся мыслью к источнику всего.

37 Кто видел настоящее, тот уже видел все, бывшее в течение вечности, и все, что еще будет в течение беспредельного времени. Ибо все однородно и единообразно.

38 Чаще размышляй о связи всех вещей, находящихся в мире, и об их взаимоотношениях. Ибо все они как бы переплетены между собою и поэтому в содружестве друг с другом, следуя друг за другом в определенном порядке. Это объясняется непрерывностью движения, общей согласованностью и единством сущности.

39 Приспособляйся к обстоятельствам, выпавшим на твою долю. И от всего сердца люби людей, с которыми тебе суждено жить.

40 Всякое орудие, приспособление, утварь будут в хорошем состоянии, если будут исполнять дело, ради которого они созданы, хотя создавший эти предметы и не находится при них. Что же касается вещей, созданных природой, то творческая сила находится внутри их и пребывает с ними. Поэтому ее следует особенно чтить и быть уверенным, что если ты будешь вести себя согласно ее желаниям, то все будет тебе по душе. Точно так же и все, принадлежащее к Целому, по душе ему.

41 Если ты сочтешь за благо или зло что-либо, не зависящее от твоего выбора, то тебе придется за наличие подобного зла или отсутствие блага обращаться с упреками к богам

и ненавидеть людей, действительно являющихся причиной зла или отсутствия блага, или только подозреваемых в этом. При таком отношении к подобным вещам нам придется во многом поступать несправедливо. Если же мы будем считать благом или злом только то, что зависит от нас самих, то не будет никакой причины обвинять бога или объявлять войну людям.

42 Все мы содействуем единой общей цели, одни со знанием и пониманием, другие бессознательно. Поэтому-то, думается мне, Гераклит и говорит, что и спящие также действуют и содействуют происходящему в мире. Но каждый содействует по-своему: и разнузданный хулителю, и тот, кто пытается противодействовать происходящему и устранить его. И такие люди нужны миру. Следовательно, тебе предстоит решить, к кому себя сопричислить. Тот, кто правит Целым, все равно использует тебя надлежащим образом и обратит тебя в одного из содействующих и соучастников. Но пусть твое участие не будет подобно тому дурному и глупому стиху в драме, о котором упоминает Хрисипп.

43 Разве солнце берется за дело дождя или Асклепий за дело Деметры? А светила? Не разнятся ли они между собой и не содействуют ли они в то же время друг другу?

44 Если боги задавались каким-нибудь намерением относительно меня и долженствующего произойти со мной, то их намерение прекрасно. Ведь бога, лишённого намерений, трудно и помыслить. А по какой причине должны они были

бы стремиться причинить мне зло? Какой прок бы от этого им или Целому – предмету их наибольших забот? Если же они не имели никаких намерений относительно меня лично, то уж, конечно, имели относительно Целого. В таком случае я должен приветствовать и любить свой удел, как соединенный необходимой связью с Целым. Если же у богов вообще нет никаких намерений (такая вера противоречила бы благочестию), то не будем ни приносить жертв, ни молиться, ни клясться, не будем, одним словом, делать ничего такого, что мы делаем, как люди убежденные в существовании богов и в их общении с нами. Но если даже у богов нет никаких намерений относительно нас, то ведь я сам могу иметь намерения относительно самого себя – и должен рассмотреть, что мне полезно. Каждому полезно то, что согласно с его строем и природой. Моя природа – природа существа разумного и гражданского. Для меня, как Антонина, град и отечество – Рим, как человека, – весь мир. И только полезное этим двум градам есть благо для меня.

45 Происходящее с каждым из нас полезно Целому – этого достаточно. Но при внимательном наблюдении можно убедиться и в том, что вообще все, полезное для одного человека, полезно и другим людям. Полезное следует брать тут в более широком смысле, распространяя его и на вещи безразличные.

46 Постоянное повторение представлений в амфитеатре и тому подобных местах может под конец опротиветь, и од-

нообразие сделать зрелище докучным. То же приходится терпеть и всю жизнь. Ибо и вверху, и внизу – все одно и то же, и из одного и того же. Но до каких же пор?

47 Постоянно думай о смерти различного рода людей, посвятивших себя различным занятиям, принадлежавших к всевозможным племенам, и дойди таким образом до Филистиона, Феба, Ориганиона. Затем перейти к другим. И нам придется отправиться туда же, куда отошло столько красноречивых ораторов, столько знаменитых философов – как Гераклит, Пифагор, Сократ, столько героев древности, а за ними столько военачальников и тиранов; затем Евдокс, Гиппарх, Архимед и другие люди, даровитые, возвышенного образа мыслей, трудолюбивые, искусные, уверенные в себе, и даже такие обличители тщеты и мимолетности человеческой жизни, как Менипп и ему подобные. Все они – помни об этом – уже давно лежат в земле. Что в этом ужасного для них? А что для тех, имена которых уже совсем позабыты? Лишь одно действительно ценно: прожить жизнь по правде и справедливости, сохраняя благожелательность по отношению к людям даже лживым и несправедливым.

48 Если ты хочешь доставить себе радость, то подумай о добродетелях людей, с которыми ты живешь. Один отличается деловитостью, другой скромностью, третий щедростью, иной еще чем-нибудь. Ничто не доставляет такой радости, как вид добродетелей, проявляющихся в нравах живущих с нами людей и встречающихся в более или менее тесном

единении. Поэтому всегда имей образ добродетелей перед глазами.

49 Разве ты досадуешь на то, что в тебе столько-то весу, а не в сто раз больше? Точно также не досадуй на то, что тебе суждено прожить известное число лет, а не больше. Довольствуйся уделенным тебе временем, как довольствуешься данной тебе сущностью.

50 Попытайся убедить их. Действуй даже вопреки их воле, если это предписывается разумной справедливостью. Если же кто употребит насилие против тебя, то ищи убежища в удовлетворении самим собою, в спокойствии духа и воспользуйся препятствием для проявления другой добродетели. И помни, что твое стремление всегда условно, и ты не добиваешься ничего невозможного. Но чего же именно ты добиваешься? Только согласного с добродетелью стремления. Но его ты достигнешь, если даже то, к чему ты стремился, останется неосуществленным.

51 Честолюбец видит свое благо в чужом действии. Преданный наслаждению — в испытываемом им состоянии. Разумный же человек — в своей деятельности.

52 Вполне возможно не составлять себе никакого убеждения по поводу чего-либо и избавить душу от тревожностей. Ибо сами вещи, по природе своей, не принимают участия в составлении наших суждений.

53 Приучай себя внимательно относиться к словам других людей и старайся по возможности проникнуть в душу гово-

рящего. Но что тебе там делать?

54 Не приносящее пользы улью – не принесет пользы и пчеле.

55 Если бы матросы вздумали бранить кормчего или больные врача, то кого бы они стали слушать? Или как мог бы первый добиться спасения плывущих, а второй – выздоровления больных?

56 Сколько людей, с которыми я вместе пришел в мир, уже оставили его!

57 Страдающему разлитием желчи кажется горьким мед; страдающие бешенством боятся воды, а детям кажется прекрасным мяч. На что же я буду гневаться? Или ты думаешь, что заблуждение менее способно к таким действиям, нежели разлитие желчи у больного или яд у страдающего бешенством?

58 Никто не может помешать тебе жить согласно разуму природы твоей, и ничто не происходит вопреки разуму общей природы!

59 Что представляют собою те, которым они желают понравиться, и ради каких выгод, и с помощью каких поступков? Как быстро поглощает все вечность и сколько уже она поглотила!

Седьмая книга

1 Что такое порок? То самое, что ты уже часто видел. И что бы ни произошло, всегда будь готов сказать: «Ведь это то самое, что я уже часто видел». Вообще, куда ни посмотри, всюду найдешь одно и то же: оно составляет содержание истории древней, средней и новой, к нему же сводится в данный момент жизнь государства и отдельных домохозяйств. Нет ничего нового: все и обыденно, и кратковечно.

2 Что могло бы свести на нет основоположения, кроме угасания соответствующих им представлений? Но в твоей власти всегда вновь вызывать к жизни эти представления. Я могу составить себе о данном предмете надлежащее убеждение. А если так, то чего же мне тревожиться? То, что вне моей души, не имеет решительно никакого отношения к моей душе. Усвой это, – и ты на правильном пути. Ты можешь еще воскреснуть. Смотри же снова на вещи так, как ты смотрел некогда: в этом и есть воскресение.

3 Суетные заботы о внешнем блеске, сценические представления, приобретение стад мелкого и крупного скота, бои гладиаторов, драка щенят за брошенную им кость и рыб за корм в садке, кропотливая работа муравьев, беготня испуганных мышей, движения кукол, потягиваемых за веревочку, – все это явления одного порядка. Среди всего этого следует хранить благожелательность, без заносчивости, но не

упускать из виду, что ценность каждого человека определяется ценностью предметов его устремлений.

4 При каждой речи следует обращать внимание на то, что говорится, при каждом устремлении – на то, что из этого получается. В первом случае нужно следить за смыслом, во втором раньше всего смотреть на преследуемую цель.

5 Хватит ли моих душевных сил для этого или же нет? Если хватит, то я воспользуюсь ими для дела, как орудием, данным мне природой Целого. Если же не хватит, то я уступлю это дело тому, кто сможет его лучше исполнить, если только оно не является моею обязанностью, или же свершу, что сумею, призвав на помощь того, кто, воспользовавшись и моим разумом, осуществит требуемое в данный момент общим благам. Ибо, делаю ли я что-нибудь своими силами, или же с помощью другого, стремиться следует лишь к тому, что требуется общим благом и согласно с ним.

6 Сколько людей, некогда прославленных, ныне предано забвению! А сколько тех, что прославляли их, уже давно в могиле?

7 Не стыдись прибегать к помощи других. Тебе предстоит выполнить свою задачу, подобно воину при штурме стен. Что, если ты, вследствие хромоты, не сможешь один влезть на стену, а при помощи других это могло бы удаться тебе?

8 Пусть не тревожит тебя будущее! Ведь ты достигнешь его, если это будет нужно, обладая тем же разумом, которым ты пользуешься в настоящем.

9 Все сплетено друг с другом, всюду божественная связь, и едва ли найдется что-нибудь чуждое всему остальному, ибо все объединено общим порядком и служит к украшению одного и того же мира. Ведь из всего составляется единый мир, все проникает единый бог, едина сущность всего, един закон, един и разум во всех разумных существах, едина истина, если только едино совершенство для всех существ одного и того же рода и причастных одному и тому же разуму.

10 Все материальное очень скоро исчезает в мировой сущности, каждое причинное начало очень скоро поглощается мировым разумом. И память обо всем не менее скоро находит могилу в вечности.

11 Для разумного существа одно и то же действие согласно и с природой, и с разумом.

12 Нужно быть правым, а не исправляемым.

13 Каково отношение между членами сплошного и единого тела, таково же и между разделенными пространством разумными существами, созданными для соучастия в едином деле. Эта мысль глубже западет в тебя, если ты будешь часто говорить себе, что ты являешься членом Целого, состоящего из разумных существ. Если же ты назовешь себя отдельной частью, то не будешь любить людей от всего сердца, и деятельность на благо других не доставит тебе окончательного удовлетворения. В этой деятельности ты будешь видеть только свой долг, а не свое собственное благо.

14 Пусть с тем, что может претерпеть от чего-либо при-

ходящего извне, происходит что угодно; потерпевшее и будет жаловаться, если пожелает. Я же, если не буду убежден, что случившееся – зло, не понесу вреда. Не быть же убежденным – зависит от меня самого.

15 Кто бы что ни делал или ни говорил, я должен оставаться хорошим человеком. Так золото, изумруд или пурпур могли бы сказать: «Что бы кто ни говорил или ни делал, а я должен остаться изумрудом и сохранить свою окраску».

16 Господствующее начало не может стать причиной собственного замешательства, не внушает себе ни страха, ни сокрушения. Если же кто-то посторонний попытается устранить его или причинить ему огорчение, то пусть он и делает это. Господствующее начало, сознательно, не впадет в такое состояние. Тело пусть само заботится, чтобы не перетерпеть чего-либо, и может сообщить, если такое случится. Душа же, способная бояться и печалиться, благодаря убеждающему ее воображению сохранит спокойствие, если ты заставишь ее отбросить подобное воображение. Господствующее начало само по себе ни в чем не нуждается, если только само не возбудит в себе нужды. Поэтому оно не знает ни волнений, ни препятствий, если не создаст их, для самого себя.

17 Блаженствовать – значит обладать благим гением и господствующим началом, исполненным блага. Что же ты тут делаешь, воображение? Уйди же, ради богов, так же как и пришло, ты не нужно мне! Явилось же ты в силу застарелой привычки. Я не гневаюсь на тебя, только уйди.

18 Боится кто-нибудь изменения? Но что может возникнуть без изменения? Что более свойственно природе Целого? Мог бы ты сам пользоваться баней, если бы дерево, сгораая, не было бы способно к изменению? Мог бы ты питаться, если бы пища не была бы способна к изменению? А что другое из полезного могло бы осуществиться без изменения? Неужели ты не видишь, что изменение, претерпеваемое тобой, вполне подобно упомянутому и что оно равно необходимо для природы Целого?

19 Все тела несутся в мировой материи, как в стремительном потоке; они тесно связаны с Целым, действуя заодно с ним, подобно нашим членам в их соответствии друг с другом.

Сколько Хрисиппов, сколько Сократов, сколько Эпиктетов поглотила уже вечность! Пусть эта мысль приходит тебе в голову по поводу каждого человека и каждой вещи.

20 Меня занимает только одно: как бы не сделать того, что не отвечает природе человека, не поступить несоответствующим ей образом, не действовать в разногласии с нею в данный момент.

21 Скоро ты забудешь обо всем, и все, в свою очередь, забудет о тебе.

22 Человеку свойственно любить и заблуждающихся. Ты достигнешь этого, если проникнешься мыслью, что они сродни тебе, а прегрешают по неведению и против своей воли. Еще немного, и тебя, и их настигнет смерть. Никто из

них – это самое главное – не причинил тебе вреда, ибо не сделал твою душу худшей, чем она была до того.

23 Для природы Целого вся мировая сущность подобна воску. Вот она слепила из нее лошадку; сломав ее, она воспользовалась ее материей, чтобы вылепить деревцо, затем человека, затем еще что-нибудь. И все это существует лишь самое краткое время. Для ларца нет ничего ужасного в том, чтобы быть разобранным, как и в том, чтобы быть сколоченным.

24 Лицо, искаженное гневом, – ужасно и противоестественно. Если такое выражение повторяется часто, оно как бы умерщвляет человеческий облик, гасит его, так что никоим образом нельзя его восстановить. Из этого можно понять, что гнев противоречит разуму.

Если мы лишимся осознания заблуждений, то для чего еще жить?

25 Природа-вседержительница скоро изменит все то, что ты видишь, и из его сущности создаст что-нибудь другое, а затем и еще что-нибудь новое, дабы вечно юным пребывал мир.

26 Если кто выступил против тебя, немедленно дай себе отчет, в силу каких представлений о добре и зле он это сделал. Уяснив это, ты не будешь жалеть его и не станешь ни удивляться, ни гневаться. Если ваши взгляды на добро совпадают, ты должен простить его, а если расходятся, то легче сохранить доброжелательность по отношению к тому, кто ис-

кренне заблуждается.

27 Не думай о том, чего у тебя нет, как принадлежащем тебе. Выбери из того, чем обладаешь, наиболее ценное и сообрази, скольких усилий стоило бы его приобретение, если бы его у тебя не было. Но остерегайся, как бы, сосредоточив внимание на этом, ты не переоценил его значения и не лишился спокойствия духа при его возможной пропаже.

28 Сосредоточься в самом себе. Разумное и руководящее начало по природе таково, что довольствуется собой в своей праведной деятельности и проистекающем из нее спокойствии.

29 Искорени воображение. – Положи конец влечениям. – Не выходи за пределы настоящего. – Познай происходящее как с тобой, так и с другими. – Разложи и раздели все предметы на начало причинное и начало материальное. – Думай о последнем часе. – Предоставь чужим заблуждениям оставаться там, где они имели место.

30 Старайся проникнуть мыслью в смысл речи. И пусть твоя мысль углубляется в возникающее и действующее.

31 Простота, скромность и безразличие к тому, что лежит между добродетелью и пороком – да служит тебе украшением. – Люби род человеческий. – Повинуйся богу. – Ведь поэт говорит: «Все сообразно с законом». – «А что если существуют одни только элементы?» – Достаточно помнить, что все сообразно закону.

32 О смерти: или рассеяние, если все атомистично, или

угашение и изменение, если все едино.

33 О страдании: если оно невыносимо, то смерть не преминет скоро положить ему конец, если же оно длительно, то его можно стерпеть. Душа сохраняет свой мир силою убеждения, и господствующее начало не становится хуже. Члены, пораженные страданием, пусть заявляют об этом, если могут.

34 О славе. Вглядишься в образ мыслей честолюбцев: каков он и каково то, к чему они стремятся и чего избегают. На берегу морском один слой песка наносится на другой и скрывает его под собой. Точно так же и в жизни: бывшее раньше очень быстро исчезает под тем, что наступает вслед за ним.

35 Слова Платона: «Думаешь ли ты, что душе возвышенной и объемлющей своим взором все время и все сущее, жизнь человеческая покажется чем-нибудь значительным?» – «Это невозможно», – сказал он. «Следовательно, и смерть подобный человек не сочтет за нечто ужасное?» – «Отнюдь нет».

36 Слова Антисфена: «Делать добро и пользоваться в то же время дурной славой – в этом есть нечто царственное».

37 Позор, если лицо послушно велениям души, принимает вид и выражение, сообразные с ней, а сама душа не в силах придать себе надлежащий вид и выражение.

38 Что пользы гневаться на вещи? Дела нет до наших чувств вещам...

39 Будь и богам бессмертным, и нам, земнородным, отра-

дой.

40 Нельзя, чтоб в день свой не пожата жизнь была, Как спелый колос, – не жил сей, не умер тот.

41 Хотя б меня с двумя детьми забыли вы, Цари небес, – все ж разум есть и правда в том.

42 Мне сопутница – правда; со мною добро.

43 Пусть не увлекает тебя ни чужое отчаяние, ни ликование.

44 Слова Платона: «На это же я представлю справедливое возражение: «Не хорошо ты судишь, милый друг, если думаешь, что сколько-нибудь дельный человек должен учитывать возможность остаться в живых или умереть, а не смотреть в своем действии только на то, справедливо или несправедливо он действует и достойно ли человека хорошего или дурного».

45 «Таково то, мужи Афинские, истинное положение вещей. Если кто сам себе назначил известную должность, считая ее наилучшей, или же был назначен на оную начальником, то должен и оставаться на ней, подвергаясь опасностям и не считаясь ни с чем, ни со смертью, ни с чем-либо другим, кроме постыдного».

46 Но, мой милый, вникни-ка, не есть ли благородное и доброе нечто другое, нежели спасение чужой или своей жизни. Ведь истинный муж должен желать не того, чтобы прожить столько-то времени, и не должен цепляться за жизнь, а, понадеявшись в этом на бога и поверив женщинам,

что от судьбы не уйдешь, должен помышлять только о том, каким бы это образом прожить то время, которое суждено жить, возможно лучше.

47 Наблюдай движение светил, как принимающий участие в нем, и постоянно размышляй о переходе элементов друг в друга. Ибо подобные представления очищают от грязи земной жизни.

48 Прекрасны слова Платона: «Кто делает предмет своих речей человека, тот должен как бы с вершины горы обозреть все земное: сборища, походы, полевые работы, браки, разводы, рождения, смерти, шумные судьбища, пустыни, различные племена варваров, празднества, похороны, ярмарки, смешение разнородного и сложенное из противоположностей».

49 Оглянись на прошедшее: сколько переворотов пережили уже государства! Можно предвидеть и будущее. Ведь оно будет совершенно в том же роде и не выйдет из ритма происходящего ныне. Поэтому и безразлично, будешь ли ты наблюдать человеческую жизнь в течение сорока лет или же десяти тысяч лет. Ибо что увидишь ты нового?

50 Все назад притечет: что взрастила земля, Обратится в прах; А небесный посев, от земли вознесен, Расцветет в небесах.

Это – или разложение сплетенных между собой атомов, или подобное же рассеяние бесчувственных элементов.

51 Питьем и яством, зельями волшебными Мнят отвести

от устья смерти дней русло.

Коли ветер от богов налетит, мы должны И труды претерпеть без роптанья.

52 Есть люди, превосходящие тебя в искусстве борьбы. Но пусть никто не превзойдет тебя в преданности общему благу, в скромности, в покорности всему совершающемуся, в снисходительности к заблуждениям ближних.

53 Где есть возможность действовать в соответствии с разумом, общим богам и людям, – там нет ничего ужасного. Ибо, где возможно достичь пользы путем верно направленной и отвечающей нашему строю деятельности, – там не следует опасаться какого-либо вреда.

54 Всюду и всегда в твоей власти и довольствоваться благочестиво своим наличным жребием, и относиться справедливо к окружающим тебя людям, и исследовать внимательно наличные представления, дабы не проникло в них ничего несообразного.

55 Не оглядываясь на господствующее начало других людей, а устремляй свой взор туда, куда ведет тебя природа – природа Целого – тем, что случится с тобой, и твоя природа тем, что надлежит тебе делать. Каждому же существу надлежит делать то, что соответствует его строю. Но все неразумные существа, в силу своего строя, предназначены для разумных существ (как и всюду менее совершенное для более совершенного), разумные же существа друг для друга. Поэтому первое место в строе человека занимает его обще-

ственность. Второе – неподатливость по отношению к состояниям, испытываемым телом; ибо движению разумному и духовному свойственно отмежевываться и никогда не сдаваться перед движением чувств и стремлений – последние суть движения животные, духовное же желает первенствовать и не быть осиленным ими, что и справедливо, так как оно по природе должно пользоваться всеми ими. Как на третьем в строю разумного существа, следует указать на ограждение себя от опрометчивости и обмана. Заручившись всем этим, господствующее начало должно идти своим прямым путем, обладая тем, что принадлежит к его составу.

56 Представь себе, что ты уже умер, что жил только до настоящего момента, и остающееся время жизни, как доставшее тебе сверх ожидания, проводи согласно с природой.

57 Люби только то, что случается с тобой и предопределено тебе. Ибо что могло бы более соответствовать тебе?

58 Что бы ни случилось, имей перед глазами тех, с которыми случилось то же самое и которые предавались по этому поводу гневу, изумлению, жалобам. Где они теперь? Нигде. Что же и ты хочешь уподобиться им? И не хочешь, представив эти чуждые тебе движения тем, кто вызывает, и тем, кто претерпевает их, направить все свои помыслы на то, как бы использовать и то, и другое? Использовать же ты можешь превосходно, не имея недостатка в материале. Только будь внимателен к себе и желай быть превосходным во всем, что делаешь. И помни, что и в том, и другом случае материал

деятельности есть нечто безразличное.

59 Смотри внутрь себя. Внутри источник добра, который никогда не истощится, если ты не перестанешь рыть.

60 И тело должно иметь известную осанку, не быть вертящимся ни в движении, ни в жестах. Ведь выражается же душа в лице, придавая ему разумность и благообразие – того же можно требовать и от всего тела. Но соблюдать все это следует, сохраняя естественность.

61 Искусство жизни более напоминает искусство борьбы, нежели танцев. Оно требует готовности и стойкости и в отношении к внезапному и непредвиденному.

62 Постоянно думай о том, каковы те люди, признания которых ты добиваешься, и каково их господствующее начало. И ты не будешь ни винить их за невольные прегрешения, ни нуждаться в их признании, если заглянешь в источник их убеждений и стремлений.

63 «Всякая душа», говорит он, «лишается истины против своей воли». Но точно так же и справедливости, и благоразумия, и благожелательности, и всего другого в этом роде. В высшей степени необходимо постоянно думать об этом, ибо тогда ты будешь более кротко относиться ко всем.

64 При каждом страдании вспомни тотчас же о том, что оно не постыдно и не делает руководящую всем душу худшей, ибо оно не действует пагубно ни на ее разумность, ни на ее общественность. При большинстве страданий можешь призвать на помощь слова Эпикура: «Это страдание не

нестерпимо и не вечно, если только ты будешь помнить о его границах и не будешь ничего примышлять от себя». Помни также о том, что многое тягостное для нас тождественно со страданием, хотя мы и не замечаем этого, как, например, сонливость, жара, скука. Поэтому, если ты тяготишься чем-нибудь подобным, то скажи самому себе: «Я не превозмог страдания».

65 Старайся даже по отношению к низестоящим существам не испытывать тех чувств, которые люди испытывают друг к другу.

66 Откуда нам знать, был ли Сократ выше Телавга по своему внутреннему строю? Ведь для этого недостаточно знать, что Сократ умер более славной смертью, что он с большим успехом обличал софистов, что он проявил большую выносливость, проводя ночи на морозе, и, по-видимому, большее благородство, отказавшись исполнить приказ о задержании Льва Саламинца, и что он гордо выступал по улицам; и истинность всего этого к тому же еще может быть подвергнута большому сомнению. Но следует рассмотреть, какой душой обладал Сократ, мог ли он довольствоваться справедливостью в отношении к людям, благочестием в отношении к богам, не досадовал ли он на порочность людей, не потакал ли чьему-либо невежеству, не смотрел ли на ниспосылаемое ему природой Целого, как на нечто чуждое, или не тяготился ли им, как чем-то нестерпимым, и не привязывал ли свой ум к состояниям тела.

67 Природа не так уж тесно связала тебя с телом, чтобы ты не мог заставить его знать свое место и руководствоваться разумом. Ведь вполне возможно стать богоподобным человеком, оставаясь никому не известным. Всегда помни об этом, а также о том, что блаженная жизнь требует немногого. И если ты потерял надежду стать диалектиком или физиком, то не должен еще оставлять попечение о том, чтобы быть свободным, преданным общему благу и послушным богу.

68 Живи безропотно в ничем неомрачаемом благодущии, если даже все люди осыпают тебя всевозможными упреками, а дикие звери терзают бессильные члены твоего телесного покрова. Что, в самом деле, может помешать душе сохранить, несмотря на все это, свой внутренний мир, истинное суждение обо всем окружающем и готовность использовать выпадающее ей на долю? Способность суждения здесь как бы обращается к событию: «Таково ты по своей сущности, хотя люди и мнят тебя чем-то другим». Способность использования обращается к нему же: «Я искала тебя, ибо все настоящее является для меня материалом разумной и гражданской добродетели, все же в целом – искусства человеческого или божеского. Ибо все, что имеет отношение к богу или человеку, не является чем-то новым к несподручным, а знакомым и легким».

69 Совершенство характера выражается в том, чтобы каждый день проводить, как последний в жизни, быть чуждым суетности, бездеятельности, лицемерия.

70 Бессмертные боги не досаждают на то, что им в течение столь долгого времени придется иметь дело с таким множеством столь дурных существ; напротив, они всячески пекутся о них. Твой же конец уже близок, а ты теряешь терпение, сам будучи к тому же одним из них!

71 Смешно, стараясь избежать чужой порочности, что невозможно, не стараться избежать своей собственной, – что вполне возможно.

72 Что разумная и гражданственная способность находит неразумным и идущим наперекор общественному, то она основательно считает ниже своего достоинства.

73 Если ты сделал добро, а другой испытал добро, то чего же ты, уподобляясь глупцам, стремишься еще к чему-то третьему, вроде славы доброго человека или награды?

74 Никто не устает получать пользу. Польза же сопряжена с действием, согласным с природой. Не уставай же получать пользу, принося ее!

75 Некогда стремление природы Целого направилось на создание мира. Ныне же или все происходит в силу необходимой связи, или же и наиболее ценное, предмет особого устремления руководящего начала мира, отдано на произвол случая. Если ты будешь помнить об этом, то ко многому отнесешься спокойнее.

Восьмая книга

1 То, что ты уже не можешь прожить достойно философа всей жизни, или жизни зрелых лет, то и тебе самому, и другим ясно, как ты далек от философии, – также отвращает от тщеславия.

Ты запятнал себя так, что нелегко приобрести славу философа, а этому противодействует и твое положение. Но если ты действительно познал, в чем суть, то отрекись от всего показного и будь доволен, если тебе удастся провести остаток жизни в согласии с желаниями твоей природы. Подумай об этих желаниях, пусть ничто иное не отвлекает тебя. Ты делал много попыток, блуждал по многим направлениям, но нигде не нашел благой жизни. Ни в силлогизмах, ни в славе, ни в наслаждении, нигде. Но где же она? В том, чтобы исполнять требования человеческой природы. Каким же образом ты их исполнишь? Если у тебя будут твердые основы, которые определяют все стремления и поступки. В чем их суть? Они касаются понимания добра и зла. Согласно им, ничто не будет для человека добром, если не содействует справедливости, благоразумию, мужеству, и свободе. Ничто нельзя назвать злом, что не противодействует этому.

2 Совершая какое-либо действие, спроси себя: «Какое значение оно будет иметь для моей собственной природы? Не придется ли в нем раскаиваться?».

Еще немного, и я уже мертв, и все для меня исчезнет. Если моя настоящая деятельность достойна существа разумного, общественного, подчиняющегося тому же закону, что и бог, то чего еще мне желать?

3 Что Александр, Гай (Юлий Цезарь) и Помпеи по сравнению с Диогеном, Гераклитом и Сократом? Эти последние проникали взором в суть вещей, со стороны причины и со стороны материи, и руководящее начало в них всегда оставалось верным самому себе. А сколько забот было у первых и от чего только они не зависели!

4 Люди будут делать одно и то же, как ты не бейся.

5 Прежде всего не смущай своего покоя. Ведь все согласно с природой Целого; еще немного времени, и ты будешь ничто и нигде, как и Адриан, и Август. Затем, сосредоточившись на своем деле, вникни в него и, помня о том, что тебе надлежит быть хорошим человеком, и о том, каковы требования человеческой природы. Неуклонно исполняй эти требования и говори так, как тебе кажется наиболее соответствующим справедливости; соблюдай благожелательность и скромность, избегай лицемерия.

6 Природа Целого занята тем, что существующее в одном месте перемещает в другое, изменяет его, изымает отсюда и переносит туда. Все подлежит изменению и нечего поэтому опасаться, как бы не произошло чего-нибудь нового. Все обычно, и удел у всего равный.

7 Природа каждого существа удовлетворена, если нахо-

дится на правильном пути. Природа же разумного существа на правильном пути, если не соглашается ни с ложью, ни с неясностью в представлениях, если направляет стремления исключительно на общее благо, а склонность и отвращение питает только к тому, что зависит от нас самих, и без ропота понимает все ниспосылаемые ей общей природой. Ведь она же есть часть общей природы, подобно тому, как природа листа есть часть природы дерева. Разница только в том, что природа листа есть часть природы, лишенной чувств и разума и могущей столкнуться с препятствиями, природа же человека есть часть природы, не знающей препятствий, разумной и справедливой; эта природа привлекает все к участию во времени, материи, причинности, деятельности, событиях, соблюдая равенство и сообразуясь с достоинством. Но ты убедишься в этом, сравнивая не отдельные свойства между собой, а совокупность свойств одного существа с совокупностью свойств другого.

8 Ты лишен возможности читать. Но ты не лишен возможности смирять гордость, преодолевать наслаждение и страдание, презирать суетную славу, не гневаться на людей бесчувственных и неблагодарных, более того, даже заботиться о них.

9 Пусть никто впредь не услышит от тебя жалоб ни на придворную жизнь, ни на твою собственную.

10 Раскаяние есть упрек, обращенный к самому себе за упущение чего-либо полезного. Полезное же неизбежно есть

и доброе в каком-нибудь отношении и предмет заботы со стороны прекрасного и хорошего человека. Но такой человек не станет раскаиваться по поводу того, что упустил случай получить наслаждение. Следовательно, наслаждение не есть ни полезное, ни доброе.

11 Что есть данный предмет сам по себе, по свойственному ему строению? – Каков он со стороны сущности и материи? – Каков со стороны причинности? – Каково его назначение в мире? – Сколько времени он существует?

12 Когда ты с неохотой встаешь от сна, вспомни, что, согласно свойственному тебе строению и человеческой природе, твое назначение – преследование общего блага; сон же есть нечто присущее и неразумным тварям. То же, что согласно с природой каждого, то ему наиболее приличествует, наиболее соответствует, даже наиболее для него привлекательно.

13 Постоянно и, по возможности, при каждом представлении применяй учения физики, этики и диалектики.

14 С кем бы тебе ни пришлось столкнуться, тотчас же обратись к себе так: «Каковы основоположения этого человека относительно добра и зла?» Если у него имеются какие-либо определенные основоположения касательно наслаждения и страдания и их причин, а также касательно славы, бесславия, смерти, жизни, то в его поступках ничто не может показаться мне удивительным и странным. Кроме того, мне следует также помнить, что он вынужден поступать таким об-

разом.

15 Помни, что, как странно изумляться, если смоковница производит смокву, точно так же — если мир производит нечто, что производить ему свойственно. Ведь неуместно врачу и корабельщику предаваться изумлению, если какой-нибудь человек заполучил лихорадку, или если поднялся противный ветер.

16 Помни, что изменение своего мнения и согласие с тем, кто указывает правильный путь, отнюдь не умаляют свободы. Ведь это твоя же деятельность, отправляемая согласно твоему же разуму.

17 Если это зависит от тебя, то зачем ты делаешь это? Если от другого, то к кому обращаешься с упреками? К атомам или богам? И то, и другое достойно безумца. Ни на что не следует сетовать. Если можешь, исправь того, кто действует, если не можешь, исправь хотя бы само дело. Если же и это для тебя невозможно, то какой для тебя прок в сетованиях? Зря ничего не следует делать.

18 Умиравшее не выпадает из мира. Если же оно остается здесь, то изменяется здесь и распадается на элементы — те же, что и самого мира, и твои. Изменяются и сами элементы, но не ропшут.

19 Все существует для чего-нибудь, как, например, лошадь, виноградная лоза. Чему ты удивляешься? И солнце существует для какого-нибудь дела, да и остальные боги. Но для чего ты? Для наслаждения? Посмотри, выдерживает ли

это критику?

20 Подобно бросающему мяч, природа во всем не менее направляет свое внимание на конец, чем на начало и пребывание. Что, в самом деле, хорошего для мяча в том, что он несется вверх, или дурного в том, что он стремится вниз или даже упал? Что хорошего для пузыря в том, что он вздулся, или дурного в том, что он лопнул? То же самое и о светильнике.

21 Выверни его (тело) наизнанку и посмотри, каково оно и каким оно становится от старости, от болезней, от излишеств.

Кратковечны и тот, кто хвалит, и тот, кого хвалят, и помнящий, и о ком помнят. К тому же все это разыгрывается в уголке какой-нибудь страны, да и здесь не все согласны между собой и отдельные люди сами с собою. Да и вся земля – песчинка.

22 Пусть твое внимание будет поглощено своим настоящим предметом, будет ли то основоположение, деятельность или выражение.

По заслугам ты терпишь это, предпочитая стать хорошим завтра, нежели быть им сегодня.

23 Делаю я что-нибудь? Я делаю это, считаясь с благодеянием людей. – Случается со мной что-нибудь? Я приемлю, считаясь с волею богов и источником всего, где берет начало все возникающее.

24 Каким представляется тебе омовение? Масло, лот,

грязь, липкая вода – все вещи, возбуждающие брезгливость. Таковы же и каждая часть жизни, и каждый предмет.

25 Люцилла пережила Вера, затем скончалась и сама, Секунда похоронила Максима, чтобы последовать за ним, Эпитинхан – Диотима и сам умер вслед за ним, Антонин – Фаустину, и затем и сам был погребен, Целер – Адриана, а затем опочил сам. И так все. Где же все те мудрецы, провидцы, гордецы? Где, например, из мудрецов Харакс, Деметрий-платоник, Евдемон и им подобные? Все мимолетно, все давно мертво. Некоторые были сразу позабыты, другие превратились в мифы, третьи исчезли уже из мифов. Следует поэтому помнить, что или всему, что входит в состав тебя, предстоит распасться, или жизненной силе угаснуть, или измениться и быть перенесенной в другое место.

26 Деятельность, свойственная человеку, есть для него источник радости. Человеку же свойственны благожелательность к себе подобным, презрение к чувственным побуждениям, различение убедительных представлений, созерцание природы Целого и происходящего согласно ей.

27 Важны три отношения: к облегающему тебя телу, к божественной причине, источнику всего случающегося со всеми, и, наконец, к живущим с тобою людям,

28 Страдание есть зло или для тела – в таком случае пусть тело и заявляет об этом; или же для души. Но душа способна сохранить свойственные ей ясность и спокойствие и не признавать в страдании зла. Ведь всякое суждение и стремление,

склонность и отвращение внутри нас, а сюда не проникает никакое зло.

29 Подавляй воображение, постоянно говоря себе: «Теперь от меня зависит, чтобы в этой душе не было ни скверны, ни вожделения, ни вообще какого-либо смятения; но созерцая все так, как оно есть, я буду пользоваться всем сообразно его ценности». Помни об этой способности, свойственной тебе от природы.

30 И в сенате, и в беседе с частным лицом следует говорить с достоинством, но без напыщенности. Пусть речь твоя будет правдива.

31 Двор Августа, его жена, племянники, пасынки, сестра, Агриппа, родственники, домочадцы, друзья, Арей, Меценат, врачи, жрецы, – весь двор вымер. Перейди затем к другому, к смерти не отдельных людей, а целых родов, например, Помпеев. На надгробных памятниках бывает начертано: «Последний такого-то рода». Подумай, сколько усилий затратили предки, чтобы оставить себе преемника – и все же кто-нибудь да должен остаться последним. А затем уже смерть всего рода.

32 Жизнь следует строить, как совокупность отдельных действий и быть довольным, если каждое из них отвечает своему назначению. Никто не может помешать тебе в этом. – «А внешние препятствия?» – Таких нет для деятельности справедливой, благоразумной и обдуманной. – «Но, может быть, в иных делах можно натолкнуться на непреодолимые

препятствия?». — Тогда благодаря спокойному отношению к самому препятствию и пониманию условий его возникновения, следует действовать иначе, но в соответствии с теми же твердыми жизненными принципами, о которых речь шла выше.

33 Не превозносись, получая, и не ропщи, когда отдаешь.

34 Видел ли ты когда-нибудь отрубленную руку, или ногу, или отсеченную голову, лежащую отдельно от туловища? Таким становится человек, намеренно обособивший себя от происходящего или стремящийся делать что-либо, не отвечающее общему благу.

В таком случае, ты оказываешься отторгнутым от единения, согласно с природой. Рожденный быть ее частью, самовольно отсекаешь себя. Однако тебе предоставлено преимущество, ты можешь вновь привести себя к единению. Этого бог не дозволил никакой другой части: вновь сойтись будучи уже отделенной и отсеченной. Оцени же милость, которой он одарил человека. Он предоставил ему свободу не отторгать себя от Целого с самого начала, но и отторгнутому дозволил воссоединиться, срастись с Целым, заняв положение его части.

35 Как все другие способности разумного существа вложены в него природой Целого, точно так же мы получили от нее и следующую. Подобно тому как она все противостоящее и противодействующее ей обращает в свою пользу и включает в цепь необходимости, делая его своею частью, точно так

же и разумное существо может претворять в материал для себя каждое препятствие и воспользоваться им, каковы бы ни были его прежние цели.

36 Пусть не смущает тебя мысль о твоей жизни в целом. Не раздумывай о том, сколько и какого рода страданий придется, по всей вероятности, перенести, но при каждом, угрожающем тебе, обращай к себе с вопросом: «Что собственно во всем этом такого, чего нельзя было бы перенести и стерпеть?» Ты постесняешься ответить утвердительно. Затем напomini себе, что тебя гнетет не будущее и не прошедшее, но всегда лишь настоящее. Последнее же еще умалится, если ты ограничишь его им самим и упрекнешь свою душу, если ей не под силу даже такое бремя.

37 Сидят ли и поныне Пантея или Пергам у гробницы Вера, а Ксабрий или Диотим у гробницы Адриана? Уже самый вопрос смешон. Но если бы они и сидели, то чувствовали бы это почившие? А если бы и чувствовали, то доставило бы это удовольствие? А если бы и доставило удовольствие, то стали бы сидевшие у их гробниц бессмертны? Разве не суждено им сначала превратиться в стариков и старух, а затем умереть? Но что стали бы делать покойники по их смерти? Все это — смрад, меха, наполненные тленом.

38 Если взор твой изощрен, говорит философ, докажи это на деле, разобравшись в самом мудреном.

39 Я не вижу в строении разумного существа добродетели, укрощающей справедливость, но вижу добродетель, укроща-

ющую наслаждение, – воздержанность.

40 Откажись от своего предубеждения относительно того, что кажется огорчающим тебя, – и ты сам в полной безопасности. «Но кто это “сам”?» – «Разум». – «Но я не разум». – «Будь им». – Итак, пусть только разум сам не причиняет себе огорчения. Если же что-нибудь другое в тебе чувствует плохо, то пусть оно само и составляет убеждение о себе самом.

41 Препятствие для ощущения – зло животной природы. Препятствие для стремления – также зло животной природы. Существуют, равным образом, и препятствия для растительной жизни, являющиеся злом для нее. Таким образом, и препятствие для разума есть зло разумной природы. Примени все это к себе самому. Ты приходишь в соприкосновение со страданием или наслаждением? Пусть ведает это ощущение. В своем стремлении ты натолкнулся на препятствия? Если ты отдаешься стремлению безусловно, то это уже зло для тебя, как существа разумного. Если же ты расширишь свой кругозор, то не потерпишь вреда и не встретишься с препятствиями. Деятельности же, свойственной разуму, никто другой воспрепятствовать не может, ибо он недостижим ни для огня, ни для меча, ни для тирана, ни для клеветы. Шар, поскольку он существует, не может лишиться круглоты.

42 Я не заслуживаю того, чтобы огорчать самого себя, ибо никогда преднамеренно не огорчил кого-либо другого.

43 Повод для радости у каждого свой. Меня радует, если

руководящее начало не проявляет признаков болезни, если оно не отвращается ни от кого из людей, ни от того, что происходит с людьми, но взирает на все преисполненным благожелательности взором, все приемлет и всем пользуется сообразно его ценности.

44 Старайся расположить к себе современников. Те, кто предпочитают гнаться за славой у потомства, забывают, что грядущие поколения ничем не будут отличаться от настоящего, которым они тяготеют. И эти поколения также смертны. И вообще, что тебе до того, как они будут о тебе отзываться и каково будет их мнение о тебе?

45 Возьми меня и забрось, куда пожелаешь. И там я сохранию свой гений благорасположенным, т. е. удовлетворенным, если его состояние и деятельность будут отвечать собственному ему строению.

Стоит ли это того, чтобы из-за него болела моя душа и под действием приниженности, вожделения, смятения и страха сделалась хуже, нежели теперь? И есть ли вообще что-нибудь, что стоило бы этого?

46 Ни с одним человеком не может случиться ничего такого, что не составляет удела человека, с быком, виноградной лозой, камнем – что не составляет их удела. Если же с каждым случается только то, что для него обычно и естественно, то на что же ты станешь негодовать? Общая природа не ниспослала тебе ничего такого, чего ты не мог бы претерпеть.

47 Если ты огорчаешься по поводу чего-либо внешнего,

то угнетает тебя не сама эта вещь, а твое суждение о ней. Но устранить последнее – в твоей власти. Если же тебя огорчает что-либо в твоём собственном настроении, то кто мешает тебе исправить свой образ мыслей? Точно так же, если ты огорчаешься по поводу того, что не делаешь чего-либо, представляющегося тебе правильным, то не лучше сделать это, нежели огорчаться? – «Но этому препятствует нечто более сильное, чем я». – «Тогда не огорчайся, ибо не в тебе причина бездействия». – «Но жизнь лишается для меня цены, если я не сделаю этого». – «Уйди же из жизни без злобы, как ты опочил бы и по совершении своего дела, сохраняя благожелательность даже к тому, что стояло на твоём пути».

48 Помни, что господствующее начало, если даже упорство его неразумно, становится неприступным, когда, сосредоточившись в самом себе, оно довольствуется тем, что не делает того, чего не желает. Что же, если оно судит о чем-либо разумно и осмотрительно? Поэтому душа, свободная от страстей, есть твердыня, ибо нет у человека более надежного убежища, скрывшись в которое, он не боялся бы погони. Кто не видит этого – невежда, а кто видит и не пользуется этим убежищем – несчастен.

49 Не говори себе ничего, кроме того, что содержится в предшествующих представлениях. Тебе передают, что такой-то плохо о тебе отзывается. Но ведь о том, что благодаря этому ты терпишь вред, – тебе никто не сообщает. Я вижу, что ребенок болен. Да, вижу; но что он в опасности, я не ви-

жу. Итак, оставайся постоянно в пределах первых представлений, ничего не примышляя к ним сам от себя, и с тобой ничего не будет. Или еще лучше, примысли, но как человек, знающий все происходящее в мире.

50 Огурец горек? Брось его. На твоём пути терновые кусты? Обойди их. Этого достаточно. Не задавайся вопросом: «Для чего существует нечто подобное в мире?» Ведь человек, посвященный в тайны природы, станет осмеивать тебя, как осмеяли бы тебя плотник или сапожник, если бы ты упрекнул их в том, что в их мастерских ты видишь стружки и обрезки кожи от их изделий. У этих ремесленников есть, однако, куда выбросить остатки, природа же Целого не имеет ничего вне себя. Но именно самым удивительным в искусстве природы является то, что, ограниченная сама собой, она превращает в самое себя все, кажущееся внутри ее испортившимся, отжившим и бесполезным, и что из всего этого она опять создает нечто новое. Таким образом, она не пользуется ни материей извне и не нуждается в месте, куда выкидывают гниль. Она довольствуется своим пространством, своей материей и свойственным ей искусством.

51 Не будь ни медлительным в действиях, ни путанным в речах. Не отдавайся полету воображения, не предавайся чрезмерному отчаянию или ликованию и не заполняй всей жизни делами.

Люди убивают, рвут на части, преследуют проклятиями. Но чем это может помешать душе оставаться чистой, рассу-

дательной, благоразумной, справедливой? Так, если кто-нибудь, подойдя к прозрачному и пресному роднику, стал бы изрыгать на него хулу: родник все же не перестанет бить ключом питьевой воды. И пусть он даже бросит в него грязь или навоз, родник очень скоро рассеет все это, смочет и нигде не помутится. Когда же будешь ты обладать вечно бьющим родником, а не стоячим болотом? Если ты ни на час не будешь оставлять попечения о своей свободе, сопряженной с благожелательностью, простотой и скромностью.

52 Тот, кто не знает, что есть мир, не знает и места своего пребывания. Не знающий же назначения мира не знает ни того, кто он сам, ни того, что есть мир. Тот же, кто остается в неведении относительно какого-нибудь из этих вопросов, не мог бы ничего сказать и о своем собственном назначении. Кем же кажется тебе тот, кто стремится избежать порицания или удостоиться рукоплесканий и похвалы со стороны людей, не знающих ни где они, ни кто они?

53 Ты жаждешь похвал со стороны человека, трижды проклинаящего себя в течение одного часа? Ты желаешь нравиться человеку, который не нравится самому себе? Разве нравится себе тот, кто раскаивается почти во всех своих поступках?

54 Пора не только согласовать свое дыхание с окружающим воздухом, но и мысли со всеобъемлющим разумом. Ибо разумная сила так же разлита и распространена повсюду для того, кто способен вбирать ее в себя, как сила воздуха для

способного к дыханию.

55 Порок вообще ни в чем не вредит миру, порок, при-
сущий одной части, ни в чем не вредит другой. Он вреден
только для того, кто имеет возможность избавиться от него,
лишь только пожелает этого.

56 Для моей воли воля ближнего есть нечто столь же без-
различное, как и его жизненная сила, и тело. И хотя мы
и рождены преимущественно друг для друга, однако господ-
ствующее начало каждого из нас обладает собственной вла-
стью. В противном случае порок ближнего был бы злом для
меня. Но бог решил иначе, дабы счастье или несчастье не
зависело от кого-либо другого.

57 Солнце кажется льющим свой свет, этот свет разлит
повсюду, но солнце не изливается. Распространение света
это не разлитие его, а, скорее, разбегание лучей во все сто-
роны. Поэтому мы и называем лучи бегущими. А что такое
луч, это ты узнаешь, если будешь смотреть на солнечный
свет, проникающий через узкое отверстие в темную комна-
ту. Он распространяется по прямой линии и как бы упира-
ется в встретившееся ему плотное тело, являющееся прегра-
дой для находящегося за ним воздуха, здесь он останавли-
вается, не соскальзывая вниз и не падая. Таково и распро-
странение разумного начала. Ум не разливается наподобие
жидкости, а его токи, как лучи, расходятся во все стороны.
Встречающиеся препятствия не подвергаются с их стороны
насильственному и грубому напору. Но и лучи ума не пада-

ют вниз, не стекают с препятствия, наподобие капель, а твердо держась своего направления, освещают то, что принимает разумный свет. Ибо то, что его не принимает, само обрекает себя на тьму.

58 Боящийся смерти боится или остаться вовсе без ощущений, или получать ощущения иного рода. Но если он будет лишен ощущений, то не будет ощущать никакого зла, если же он приобретает новый вид ощущений, то он станет другим существом, а его жизнь не прекратится.

59 Люди рождены друг для друга. Поэтому или вразумляй, или же терпи.

60 Одно дело полет стрелы, другое – полет мысли. Мысль, даже и обходя препятствия и исследуя предмет со всех сторон, все же держится прямого направления и стремится к цели.

61 Старайся познать сущность каждого другого, но и предоставь другому познать начало, руководящее тобою.

Девятая книга

1 Совершающий несправедливость – впадает в нечестие. Ведь природа Целого создала разумные существа друг для друга, и поэтому они должны помогать друг другу по мере достоинства, а отнюдь не вредить. Очевидно, что преступающий это желание природы проявляет нечестие по отношению к старейшему из божеств. И тот, кто лжет, также проявляет нечестие по отношению к тому же божеству. Ведь природа целого есть природа сущего; сущее же находится в тесной связи с тем, что существует вообще и в данный момент. Это же божество именуется также и истиной, ибо оно есть первопричина всех истин. Следовательно, тот, кто лжет преднамеренно, впадает в нечестие, поскольку он совершает несправедливость своим обманом; тот же, кто лжет без намерения, – поскольку он вступает в разногласие с природой Целого и вносит смятение, противоборствуя природе мира. Ведь позволяющий увлечь себя, вопреки своему желанию, к тому, что противоположно истине, противоборствует ей потому, что природа сообщила ему задатки, пренебрегши которыми он уже не в состоянии отличить ложное от истинного. Впадает в нечестие также и тот, кто стремится к наслаждению, как к добру, и избегает страданий, как зла. Ибо такому человеку неизбежно придется часто сетовать на общую природу, которая якобы не считается с достоинством, оделяя

людей дурных и хороших, так как часто дурные утопают в наслаждениях и обладают средствами к их достижению, на стороне же хороших – страдание и то, что его порождает. К тому же боящийся страдания будет бояться и чего-либо имеющего произойти в мире, что уже нечестиво. Стремящийся, далее, к наслаждениям не остановится и перед несправедливостью, – а это очевидное нечестие. Кто желает следовать природе в единомыслии с ней, тот должен относиться одинаково к тому, к чему одинаково относится общая природа (а она не создавала бы и того, и другого, если бы не относилась одинаково к тому и другому). Следовательно, впадает в нечестие и тот, кто неодинаково относится к страданию или наслаждению, или смерти и жизни, или славе и бесславию, которыми одинаково пользуется природа. Я говорю, что общая природа одинаково пользуется всем этим, вместо того, чтобы сказать, что все это, сообразно известному порядку, одинаково происходит со всем возникающим и сопутствующим ему в силу некоего исконного стремления промысла, по которому он, изойдя из некоего начала, предустановил настоящий строй вещей, заключив в себе семена грядущего и разграничив творческие потенции существований, изменений и чередований.

2 Выбыть из числа людей, не вкусив от лжи, всяческого лицемерия, излишества, чванства, мог бы только совершеннейший человек. Вторым будет тот, кто оставляет жизнь, пресытившись всем этим. Или ты предпочитаешь погрязать

в пороке и опыт еще не убедил тебя бежать от пагубы? Ибо извращение помыслов есть несравненно большая пагуба, нежели какая-либо порча и перемена к худшему в окружающем нас воздухе. Последняя пагубна для животных, поскольку они животные, первая же для людей, поскольку они люди.

3 Не презирай смерти, но будь расположен к ней, как к одному из явлений, желаемых природой. Ведь разложение есть явление того же порядка, что молодость, рост, зрелость, прорезывание зубов, обрастание бородой, седина, оплодотворение, беременность, роды и другие действия природы, сопряженные с различными периодами жизни. Поэтому человек рассудительный должен относиться к смерти без упорства, отвращения или кичливости, но ждать ее, как одного из действий природы. И как ты теперь ждешь, пока дитя выйдет из утробы твоей жены, так следует ждать того часа, когда твоя душа сбросит с себя эту оболочку. Если же ты хочешь средства немудреного, но действительного, то лучше всего примирит тебя со смертью внимательный взгляд на предметы, которые тебе предстоит покинуть, и мысль о характере людей, с которыми твоей душе уже не придется соприкасаться. Ибо, хотя и не следует гневаться на них, а наоборот, надлежит и заботиться о них, и переносить их с кротостью, но в то же время не нужно забывать, что разлука предстоит тебе не с людьми единомыслящими. Ведь если вообще есть что-нибудь в жизни, что влекло бы к ней и в ней удержива-

ло, то лишь одно: возможность жить в общении с людьми, усвоившими те же основоположения, что и мы. Но теперь ты видишь, насколько тягостно разномыслие с окружающими, и можешь воскликнуть: «Поспеши, смерть! чтоб мне самому не забыть о себе!».

4 Прегрешающий прегрешает против самого себя; совершающий несправедливость, совершает ее по отношению к самому себе, делая себя дурным.

5 Часто совершает несправедливость и воздерживающийся от какого-либо действия, а не только действующий.

6 Достаточно правильного убеждения, действия, имеющего целью общее благо, и настроения, благожелательного ко всему, что происходит в силу внешней причины.

7 Устрани воображение, останови стремление, подави склонности: пусть властвует над тобой господствующее начало.

8 Одна душа распределена между неразумными животными и одна мыслящая душа – между разумными. Верь и земля одна для всего земного, и видим мы благодаря одному свету и дышим одним воздухом – все мы, причастные зрению и жизни.

9 Все причастное чему-либо общему стремится к единому с ним.

Все земное тяготеет к земле, все влажное сливается воедино, равно как и воздушное; так что нужны преграды и усилия, чтобы розобщить их. Огонь уносится вверх вслед-

ствие огня элементарного, но в то же время тяготение ко всякому здешнему огню для общего воспламенения настолько сильно в нем, что легко возгорается всякое сколько-нибудь сухое тело, ибо в его составе не много такого, что препятствует воспламенению. И поэтому все причастное общей разумной природе равным образом стремится к родственному ему или даже в большей степени. Ведь поскольку оно совершеннее по сравнению с другим, постольку в нем сильнее склонность к сближению с себе подобным и слиянию с ним воедино. Уже у неразумных существ можно найти улы, стада, вскармливание потомства, некоторое подобие любви. Это объясняется тем, что у них есть души, и склонность к совместной жизни в существах относительно совершенных проявляется с большей силой, нежели в растениях, камнях или деревьях. У разумных же существ имеются государства, содружества, домохозяйства, совещания, а на войне союзы и перемирия. У существ еще более совершенных единение осуществляется даже вопреки разделяющему их пространству, каково, например, единение звезд. Таким образом известная степень совершенства может породить согласие даже между существами, отстоящими друг от друга. Взгляни же теперь на то, что происходит. Одни только разумные существа забывают ныне о стремлении и склонности друг к другу, только среди них не замечается слияния воедино. Но как не избегают люди единения, все же им не уйти от него, ибо природа сильнее их. При некотором внимании ты

убедишься в правильности моих слов. Легче поэтому найти нечто земное, не соприкасающееся ни с чем земным, нежели человека, не находящегося в общении с человеком.

10 Приносит плод и человек, и бог, и мир. Все приносит плод в урочное время. Если же по привычке это выражение применяется преимущественно к виноградной лозе и т. п. – то это ничего не значит. Плод разума двоякий, общий и частный, и обязанное ему существованием таково же, каков он сам.

11 Если можешь, исправь заблуждающегося; если не можешь, то вспомни, что на этот случай тебе дана благожелательность. И боги благожелательны к подобным людям. В некоторых отношениях они даже являются их пособниками в здоровье, богатстве, славе, – так далеко простирается милость богов. И ты можешь поступать так же. Или же ответ на вопрос: «Кто тебе мешает?».

12 Переноси страдание не как человек, видящий в этом свое несчастье, и не как желающий стать предметом сострадания или удивления. Желай только одного: действовать и воздерживаться от действий в согласии с требованиями разума гражданственности.

13 Сегодня я избег всякой напасти, вернее, я оттринул всякую напасть, ибо она была не вне меня, а внутри, – в моих убеждениях.

14 Все это обычно в отношении опыта, мимолетно в отношении времени, мерзостно в отношении материи. Все оста-

ется тем же, каким было при тех, которых мы предали земле.

15 Вещи находятся вне нас, существуют сами по себе, не зная ничего о себе самих и не высказывая ничего. Что же высказывается о них? Господствующее начало.

16 Добро и зло разумного и гражданственного существа не в испытываемом состоянии, а в деятельности; точно так же, как и добродетель, и порок его не в испытываемом состоянии, а в деятельности.

17 Для камня, брошенного вверх, нет ничего дурного в том, чтобы упасть вниз, и ничего хорошего в том, чтобы нестись вверх.

18 Проникни внутрь присущего им господствующего начала, и ты увидишь, каких судей ты боишься и как они судят о собственных делах.

19 Все подвержено изменению. И ты сам находишься в процессе постоянного перехода в другое и частичного умирания. Да и весь мир.

20 Проступки другого человека следует оставлять при нем.

21 Прекращение деятельности, приостановка стремления и способности убеждения и вообще смерть отнюдь еще не есть зло. Подумай только о возрастах, как то: детство, юность, молодость, старость. Ведь и в них всякое изменение – смерть. Но разве все это страшно? Подумай, далее, о своей жизни при деле, затем при матери и при отце и, всюду наталкиваясь на всяческие различия, изменения и пре-

кращения, спроси себя: «Разве страшно все это?» Но в таком случае не страшны и прекращение, приостановка и изменение всей жизни.

22 Обратись к господствующему началу, присущему тебе, Целому, и твоему ближнему. К присущему тебе, чтобы внедрить в него справедливость, к тому, что присуще Целому, чтобы вспомнить, чьей частью ты являешься, к тому, что присуще твоему ближнему, чтобы знать, действовал ли он по неведению или со знанием, и в то же время не упускать из вида, что он – родственен тебе.

23 Как ты самходишь в состав гражданского общества, точно так же и всякое твое действие должно входить в состав гражданской жизни. Если же что-либо не имеет отношения, непосредственного или же более отдаленного, к общей цели, то оно дробит жизнь, нарушает ее единство, подымает бунт, уподобляясь тому человеку, который, будучи одним из участников народного собрания, не желает подчиняться общему согласию.

24 Ребяческие распри, ребяческие игры, душонки, обремененные трупам, – зрелище достойное «Царства мертвых».

25 Обратись к исследованию свойств причинного начала и рассмотри его в отрешении от начала материального. Затем определи время, которое оно в лучшем случае сможет просуществовать при данных свойствах.

26 Ты очень много перенес из-за того, что не довольство-

вался деятельностью своего руководящего начала, согласной с его назначением. Но довольно.

27 Когда какие-нибудь люди порицают тебя, или ненавидят, или дурно отзываются о тебе, то подойди вплотную к их душе, проникни внутрь и посмотри, что они собой представляют. Ты увидишь, что тебе незачем тревожиться относительно того, каково мнение этих людей о тебе. Ведь и боги оказывают им всяческую поддержку сновидениями и прорицаниями в том, на что направлены их помыслы.

28 Неизменен круговорот мира в своем движении вверх и вниз, из вечности в вечность. Или мысль Целого направлена к каждому отдельному явлению, – то прими результат этого, – или же это стремление было однократным, а все последующее возникает в силу необходимой связи, будучи друг в друге, или, в конце концов, существуют только атомы, неделимые частицы. Словом, если бог, то тогда все хорошо, если же случай, то пусть он не властвует хотя бы над тобой.

Скоро всех нас покроет земля, затем изменится и она, и то, что произойдет из нее, будет изменяться до бесконечности. И кто, размышляя над набегающими друг на друга с такой быстротой волнами изменений и превращений, не преисполнится презрения ко всему смертному?

29 Сущность Целого подобна стремительному потоку: она все уносит с собой. Как жалки все эти политики, которые воображают себя действующими по-философски! Хвастливые глупцы. Поступай же, человек, так, как требует в данный мо-

мент природа. Стремись к цели, если имеешь возможность, и не озирайся по сторонам, знает ли кто об этом. Не надейся на осуществление Платонова государства, но будь доволен, если дело подвигается вперед, хотя бы на один шаг, и не смотри на этот успех, как на нечто, не имеющее значения. Кто изменит образ мыслей людей? А что может выйти без такого изменения кроме рабства, стенаний и лицемерного повиновения? Вспомни примеры Александра, Филиппа, Деметрия Фалернского. А знали ли они, чего желает общая природа, и воспитывали ли они самих себя? Если же они только играли роль, то никто не заставит меня подражать им. Дело философии просто и скромно; не увлекай меня на стезю тщеславия.

30 Окинь сверху взором бесчисленные скопища людей, бесчисленные религиозные обряды, суда, плывущие по всевозможным направлениям и в бурю, и в затишье, многообразие всего возникающего, сущего, исчезающего. Подумай также и о той жизни, которой жили при других, и о той, которой будут жить после тебя, и о той, которой живут теперь варварские племена. Подумай о том, сколько людей вовсе не знают и твоего имени, сколько забудут тебя в самом непродолжительном времени, сколько сейчас, может быть, хвалят тебя, а очень скоро станут порицать, и о том, что нет ничего значительного ни в памяти, ни в славе, ни в чем-либо другом.

31 Безмятежность в отношении ко всему происходящему

в силу внешней причины, справедливость во всех действиях, причиной которых являешься ты сам, иначе говоря, стремление и деятельность, направленные на дело общего блага, как отвечающее твоей природе.

32 Ты можешь устранить очень многое из того, что тяготит тебя, как коренящееся всецело в твоём убеждении. И широкий простор откроется перед тобой, если ты охватишь мыслью весь мир, подумаешь сначала о вечном времени, а затем о быстроте изменения, которому поочередно подлежат все отдельные вещи, о том, как краток промежуток между их возникновением и исчезновением, о бездне времени до их возникновения и беспредельности после их исчезновения.

33 Все, что видишь, скоро рушится, а вслед за ним подвергнутся той же участи и наблюдающие это разрушение. И тот, кто умирает в самом преклонном возрасте, не будет иметь никакого преимущества перед умершим прежде времени.

34 Каково господствующее начало в них, каковы их интересы и что нужно, чтобы снискать их любовь и уважение! Пусть их души предстанут перед тобой обнаженными. В каком самообольщении они находятся, когда думают, что вредят своим порицанием или приносят пользу похвалами.

35 Утрата чего-либо есть не что иное, как изменение. Но изменение есть излюбленный прием природы Целого, согласно которой все создается наилучшим, таким же сози-

далось из века и таким же будет в бесконечном времени. Неужели же ты скажешь, что все создается дурным и всегда будет дурным и что у стольких богов не нашлось силы, способной все привести в надлежащий вид, а мир осужден пребывать в неизбывном зле?

36 Тленна материя, входящая в состав каждого существа: вода, пыль, кости, прах. Мрамор, далее, есть затверждение земли, серебро и золото ее осадки, одежда – волосы животных, пурпур – кровь; таково же и все остальное. И даже жизненная сила, меняющая одно состояние на другое, есть нечто подобное.

37 Довольно жалкой жизни, ропота и обезьянничанья. Что тревожит тебя? Что в этом нового? Что выводит тебя из себя? Причинное начало? Вникни в него. Или материя? Рассмотрй ее. Кроме этого ничего нет. Но постарайся, наконец, относиться к богам с большей простотой и расположением.

Все равно, наблюдать ли одно и то же сто лет или три года.

38 Если кто-нибудь впал в заблуждение, то он же и терпит зло. Но, может быть, он и не впадал в него.

39 Или все происходит как бы в едином теле, беря начало в едином разуме, и часть не должна роптать на то, что происходит в Целом, или же существуют атомы и ничего, кроме смешения и рассеяния. Что же тревожит тебя? Скажи господствующему началу: «В тебе царят смерть и разложение, ты звероподобно, лицемерно, твое место в стаде на пастбище».

40 Боги или безвластны или же властны. Если они безвластны, то зачем ты молишься им? Если же они властны, то не лучше ли молиться о том, чтобы не бояться ничего, не желать ничего, не огорчаться ничем, нежели о наличии или отсутствии чего-либо? Ведь если боги вообще могут содействовать людям, то могут содействовать и в этом. Но ты, быть может, скажешь: «Боги предоставили это моей власти». В таком случае не лучше ли пользоваться тем, что в твоей власти, что достойно свободного человека, нежели стремиться к тому, что не зависит от тебя, – подобно рабу или нищему? Но кто тебе сказал, что боги не принимают участия в том, что в нашей власти? Начни молиться об этом и увидишь. Вот человек, который молится: «Хорошо бы добиться обладания этой женщиной!» Ты же молишь: «Хорошо бы не желать обладания ею». Другой: «Хорошо бы избавиться от этого человека!» Ты молишь: «Хорошо бы не нуждаться в этом избавлении!» Третий: «Хорошо бы сохранить ребенка в живых!» Ты молишь: «Хорошо бы не бояться потерять его!» Переделай на этот лад все молитвы и посмотри, что из этого выйдет.

41 «Во время болезни», говорит Эпикур, «меня не занимали телесные страдания, и с посещавшим меня я не беседовал о подобных вещах. Я продолжал свои начатые ранее научные работы, интересуясь главным образом тем, как мысль, несмотря на свою причастность к подобным движениям в теле, сохраняет тем не менее свой внутренний мир, преследуя свойственное ей благо». «И врачам», продолжает он, «я не

дал повода возгордиться, точно они не весть что для меня делают, но жизнь моя протекала счастливо и хорошо». Подражай ему, если тебе случится заболеть или попасть в какое-нибудь другое опасное положение. Все школы сходятся в том, что не следует ни отрекаться от философии ни при каких бы то ни было обстоятельствах, ни вторить невеждам, ничего не знающим о природе, но все свое внимание отдавать делу, которым в данный момент занят, и средствам, которыми оно приводится в исполнение.

42 Когда тебя возмутит чье-либо бесстыдство, тотчас же спроси себя: «Возможно ли, чтобы в мире не было людей без стыда?» Нет, невозможно. Не требуй невозможного. Ведь и этот человек один из тех людей без стыда, которые необходимо должны быть в мире. Этот же вопрос пусть будет у тебя наготове и по отношению к человеку вероломному и ко всякому совершающему какой-нибудь проступок. Если ты будешь помнить, что люди такого рода не могут не существовать, то будешь благосклоннее к каждому из них в отдельности. Полезно также тотчас же подумать о том, какую добродетель сообщила природа человеку против подобных проступков. Ведь против неблагодарности она, в качестве противоядия, сообщила нам кротость, против других пороков – какую-нибудь способность. Вообще тебе дана возможность вразумлять заблудших: ибо всякий прегрешающий уклоняется от своей цели и блуждает. Но терпишь ли ты вред? Ты не найдешь ни одного из тех, на кого ты так негодуешь, кто сво-

ими действиями мог бы сделать твою душу худшей, а в ней-то и коренится все вредное и злое для тебя. Что дурного или необычного в том, если необразованный человек поступает, как таковой? Подумай, не следует ли тебе винить самого себя в том, что ты не ждал от такого человека такого рода проступков. Ведь разум побуждал тебя к размышлению о том, что подобные проступки весьма вероятны со стороны этого человека, и тем не менее по своей забывчивости удивляешься, если он совершил проступок. Важнее всего, однако, при жалобах на чье-либо вероломство или неблагодарность обращать взор на самого себя. Ведь несомненно же, что ты заблуждался, если верил в возможность верности со стороны человека такого склада, или же, оказывая благодеяние, не отрешался от всяких соображений и не черпал удовлетворения в самом своем поступке. Если ты сделал добро человеку, что остается тебе еще желать? Разве недостаточно того, что ты совершил что-либо согласно своей природе, но ты требуешь еще награды за это? Это все равно, как если бы глаз потребовал бы платы за то, что он видит, или ноги за то, что они ходят. Подобно тому, как эти члены созданы для определенного назначения, выполнив которое, сообразно своему строению, они почитают себя удовлетворенными, точно так же и человек, рожденный, чтобы творить добро, сделавши какое-нибудь доброе дело или как-либо иначе поспособствовавшему общему благу, выполняет тем свое назначение и должен считать себя удовлетворенным.

Десятая книга

1 Будешь ли ты когда-либо, душа, доброй, простой, единой и, в своем обнажении, более явственной, нежели облакающее тебя тело? Вкусишь ли когда-либо от настроения дружбы и любви? Настанет ли когда-нибудь момент, когда ты не будешь ничего желать и ни о чем не будешь мечтать, ни об одушевленном, ни о неодушевленном, ради испытания наслаждения, ни о времени для возможного продления этих наслаждений, ни о местности, стране, благодатном климате, ни о согласии с людьми? Будешь ли ты довольствоваться настоящим положением, радоваться всему, что имеется налицо, и убедишь ли себя в том, что все у тебя есть, все обстоит хорошо для тебя, и существует по воле богов, и будет ими ниспослано на благо существа совершенного, доброго, справедливого, прекрасного, которое все порождает, все сдерживает, все объемлет и охватывает все разрушающееся для создания нового, подобного ему? Будешь ли ты когда-нибудь способна сожительствовать с богами и людьми таким образом, чтобы не жаловаться на них, но и не навлекать на себя их осуждения?

2 Следи за тем, какие требования предъявляет твоя природа к тебе, как подчиняющемуся одной только природе. Затем исполняй эти требования и допускай их, если это не ухудшает твоей животной природы. Далее, нужно следить за

тем, чего требует твоя животная природа, и принимать все ее требования, если исполнение их не ухудшает твоей разумной природы. Но разумное есть в то же время и гражданственное. Применяй эти правила и не бросайся из стороны в сторону.

3 Все случающееся или таково, что ты от природы способен перенести его, или же таково, что ты неспособен к этому. Поэтому, если с тобой случается что-нибудь, что ты способен перенести, то не досадуй, но переноси, как и свойственно тебе. Если же ты неспособен перенести его, то и тогда тебе нечего досадовать, ибо, уничтожив тебя, оно погибнет и само. Помни, что ты способен перенести все то, что твое убеждение может сделать терпимым и сносным, полагая, что тебе полезно и приличествует это сделать.

4 Если кто-нибудь заблуждается, то вразуми его, сохраняя благожелательность, и укажи на его ошибку. Если же не можешь сделать этого, то вини себя или же не вини никого.

5 Что бы ни случилось с тобой – оно предопределено тебе из века. И сплетение причин с самого начала связало твое существование с данным событием.

6 Существуют ли атомы или единая природа – прежде всего следует установить, что я являюсь частью Целого, управляемого природой; затем, что я некоторым образом связан с частями, однородными мне. Ведь если я буду помнить об этом, то, поскольку я буду сознавать себя частью, я не буду недоволен ничем, ниспосылаемым Целым, ибо то, что полезно Целому, не может быть вредно части. В Целом же нет

ничего, что не было бы полезно ему: это общо всем природам, но природа мира имеет то преимущество, что нет внешней причины, которая могла бы заставить ее произвести что-нибудь вредное для нее самой. Итак, поскольку я буду помнить, что я являюсь частью такого Целого, — я буду рад всему происходящему. Поскольку же я нахожусь в известной родственной связи с однородными мне частями — я буду воздерживаться от того, что идет вразрез с общим благом. Наоборот, я всегда буду иметь в виду родственных мне, направлю все свое стремление на общепользное и отвращу его от противоположного. Если все это выполнить, то жизнь будет протекать счастливо. Нельзя не признать счастливой жизнь гражданина, отдающего свои силы деятельности, полезной его согражданам, и приветствующего все то, чем оделит его государство.

7 Части Целого, которые охватывает мир природы, необходимо подлежат гибели, или, что означает то же самое, изменению. Если это, будучи по природе необходимым, является в то же время злом для них, то и с Целым, при постоянном изменении его частей, специально предназначенных к гибели, не все обстоит благополучно. Но не сама ли природа решила причинить зло своим частям, создав их доступными и даже необходимо подверженными ему, или это случилось без ее ведома? Как то, так и другое — невероятно. Если же кто-нибудь, оставив в стороне природу, припишет изменение естественным свойствам вещей, то не смешно ли,

с одной стороны, утверждать, что части Целого изменяются в силу своих естественных свойств, а с другой, – удивляться и негодовать по поводу этого, как будто оно противоречит природе? Тем более, если каждая вещь разлагается на то, из чего и состоит. Ибо на самом деле имеет место или рассеяние элементов, входивших в состав вещи, или же превращение плотного в то, что обладает свойствами земли, а жизненной силы в то, что обладает свойствами воздуха, так что все, в конце концов, поглощается разумом Целого, которое или периодически возгорается, или же обновляется силою вечного времени. Не воображай, что плотное и животворящее, имеющееся теперь в тебе, существует с самого момента твоего рождения. Ибо все это в тебе со вчерашнего или позавчерашнего дня и обязано своим существованием пище и вдыхаемому воздуху. Поэтому изменяется лишь то, что получено тобою извне, а не то, чем ты обязан своей матери. Допусти даже, что полученное тобою и составляет все своеобразие твоего существа – это, думается мне, отнюдь не поколеблет значения сказанного выше.

8 Приложивши к себе такие наименования, как хороший, скромный, правдивый, рассудительный, нестроптивный, благородный, ты должен внимательно следить за тем, чтобы не переменить их на другие; а если ты уже не можешь найти их в себе, поспеши вновь вернуться к ним. Помни же, что «рассудительность» означает для тебя осмысленное и вдумчивое отношение ко всякой вещи, «нестроптивность» – добро-

вольное подчинение уделу, ниспосланному тебе общей природой, «благородство» – превознесение разумной части над медленными или порывистыми движениями плоти, над суетной славой, над смертью и тому подобным. Если ты сохранишь в себе верность к определениям, не гоняясь за тем, чтобы и твои ближние прилагали их к тебе, то станешь другим, начав иную жизнь. Ведь продолжать оставаться таким, каким ты был по сие время, влачить столь пагубное и нечистое существование достойно только человека тупого, цепляющегося за жизнь, и подобного тем полуживым, покрытым ранами и кровью гладиаторам, которые умоляют оставить их в живых до завтра, когда им в таком виде вновь придется испытать на себе силу таких же когтей и зубов. Итак, старайся сжиться с этими немногими именами. И если ты сможешь оставаться верным им, то оставайся, как бы переселяясь на некие острова блаженных; если же почувствуешь, что падаешь и не в силах устоять, то имей решимость удалиться в какое-нибудь укромное место, где ты не поддашься соблазну, или же совсем расстанься с жизнью, но без ропота, просто, свободно и скромно, свершив в жизни хотя бы одно дело – расчет с жизнью. Но тебе гораздо легче дастся память об этих наименованиях, если ты будешь помнить о богах и о том, что они желают, чтобы все разумные существа не льстили, а уподоблялись им и чтобы смоковница исполняла назначение смоковницы, собака – назначение собаки, пчела – назначение пчелы, человек – назначение человека.

9 Лицемерие, война, страх, вялость, рабство будут ежедневно сводить на нет те священные основоположения, которые ты не осмыслил надлежащим образом, не уделив им должного внимания. Но на все следует смотреть и все делать так, чтобы и практическая способность получила свое завершение и теоретическая переходила в деятельность, а из всеобъемлющего познания родилась та уверенность в себе, которая не выставляет себя напоказ, но которую и не скроешь. Когда, наконец, ты приобщишься искренности, серьезности и достигнешь познания каждой вещи, открыв себе, какова она по своей сущности, какое место занимает в мире, сколько времени суждено ей просуществовать, что входит в ее состав, кому она может достаться и кто может дать ее и отнять?

10 Паук горд, завлекши муху; другой гордится, подстрелив зайчонка, иной – поймав сетью мелкую рыбешку, кто – одолев вепря или медведя, а кто – сарматов. Разве все они не разбойники, если разобраться в их побуждениях?

11 Усвой себе метод рассмотрения всех вещей в их постоянном переходе друг в друга; всегда думай об этом и упражняй себя в этой области. Ибо ничто так не способствует возвышенному настроению. Такой человек уже совлек с себя тело и, под влиянием мысли о том, что немного еще осталось до того момента, когда он оставит все это, выбыв из числа людей, всецело отдался справедливости в своих собственных действиях и природе Целого во всем остальном. А что другие говорят о нем или думают, или как они поступают по от-

ношению к нему — об этом он нисколько не заботится, довольствуясь лишь осуществлением справедливости в своих настоящих поступках и любовью к своему настоящему делу; он отрекся от всех забот и суетных стремлений и не желает ничего, кроме неуклонного исполнения закона и воли провидения.

12 К чему догадки, когда у тебя есть возможность узнать, что следует делать? Если ты это знаешь, то, сохраняя благосклонность, иди вперед по пути, не уклоняясь в сторону. Если не знаешь, помедли, спроси совета у лучших людей. Если встретишь на пути какие-либо препятствия, иди вперед, учитывая трудности и держась того, что отвечает справедливости. Достижение результата всегда лучше, чем уклонение. Тот, кто во всем следует разуму, деятелен без суетливости, исполнен душевного веселья, не теряя уравновешенности.

13 Пробудившись от сна, спроси себя: «Касается ли тебя, если кто-нибудь другой делает что-либо справедливое и прекрасное?» — «Нет, не касается». — «Уж не забыл ли ты, каковы люди, которые столь веско высказывают другим похвалу и порицание на ложе, за столом, что они делают, чего избегают, к чему стремятся, что они похищают, что отнимают не посредством рук и ног, а наиболее ценной своей частью, которая при желании могла бы дать жизнь верности, скромности, истине, закону, благому гению?».

14 Человек, обладающий знанием, пониманием своего места в мире, обращается к природе, все дарящей и все отни-

мающей, так: «Дай, что пожелаешь, и возьми, что потребуешь». Он говорит это без дерзновения, а с благоговением к велению природы.

15 Немного еще осталось. Живи словно на горе. Ведь совершенно безразлично, жить ли здесь или в ином месте, если человек повсюду в мире, как в Граде. Пусть люди увидят и познают в тебе истинного человека, живущего согласно природе. Если им будет невтерпеж, пусть убивают. Ведь это лучше, чем жить как они.

16 Не все же разглагольствовать о том, каким должен быть хороший человек, пора и стать им.

17 Постоянно думай о вечности в ее целом, и о сущности в ее целом, и о том, что каждая отдельная вещь по сравнению с сущностью – малое зерно, по сравнению с временем – поворот бурава.

18 Останавливаясь мыслью на каждом отдельном предмете, представляй его себе уже разложившимся, подвергшимся изменению и как бы гниению или рассеянию, или же обреченным на гибель.

19 Подумай, каковы эти люди, когда едят, спят, совокупляются, испражняются и т. д., а затем каковы они, когда корчат из себя важных господ, чванятся или гневаются и расточают укоризны с высоты своего величия. Скольким они незадолго до того служили и за какую цену, и во что они вскоре превратятся?

20 Каждому пристало то, что стало его уделом в силу при-

роды Целого, и именно тогда, когда стало.

21 «Любит дождь земля; любит его и священный эфир». Мир любит создавать то, что должно возникнуть. Поэтому я говорю миру: «Я люблю то же, что и ты». И разве не в том же смысле говорят: «Такой-то вещи любо то-то»?

22 Или ты продолжаешь жить здесь – и к этой жизни ты уже привык, или ты удаляешься в другое место, согласно своему желанию, или же умираешь, и твое служение кончилось. Этим исчерпано все. Поэтому будь спокоен.

23 Для тебя всегда должно быть ясно, что этот клочок земли ничем не отличается от других и что живущие на нем испытывают то же самое, что и живущие на вершине горы, или на морском берегу, или еще где-нибудь. И ты согласишься со словами Платона о пастухе, заключенном в стенах горной хижины и доящем овец.

24 Что для меня мое господствующее начало, каким я его теперь творю? К чему применяю? Не лишено ли оно разума? Не отрешено ли и отторгнуто от общения (с природой)? Не смешано ли оно и слито с телом, следуя его движениям?

25 Скрывающийся от власти – беглец. Властвует закон, а беглец тот, кто его нарушает. А тот, кто, преисполняясь сокрушения, гнева и страха, не желает всего, что происходило, происходит и будет происходить в силу миропорядка, установленного провидением, т. е. закона, определяющего каждому то, что ему причитается. Поэтому и тот беглец, кто боится, сокрушается или гневается.

26 Оплодотворивший утробу матери удаляется; в дальнейшем берется за дело другая причина и довершает образование младенца. Какое было начало и каков конец! Ребенок глотает пищу, а за дальнейшее принимается другая причина и создает ощущение, стремление и вообще жизнь, силу и все остальные свойства человека. А сколько их и каковы они! Вникай же во все происходящее в такой сокровенности и созерцай действующую здесь силу так же, как и силу, заставляющую тела падать вниз или подниматься вверх не телесными очами, однако с не меньшей ясностью.

27 Постоянно размышляй о том, что все происходящее ничем не отличается от происходившего ранее и того, что произойдет в будущем. Пусть предстанут перед твоим взором целые периоды жизни и сходные друг с другом положения, которые известны тебе или из собственного опыта или из истории более раннего времени: весь двор Адриана, весь двор Филиппа, Александра, Креза. Ибо повсюду здесь одно и то же, только другие действующие лица.

28 Всякий сокрушающийся и выражающий неудовольствие по поводу чего-нибудь должен напоминать тебе поросенка, который бьется и визжит при заклании. Но недалеко от него ушел и тот, кто на своем ложе в одиночестве оплакивает про себя тяготеющий над нами рок. Ты же подумай о том, что только разумному существу дана возможность добровольно следовать событиям, – простое же следование необходимо для всех.

29 Перебирая мысленно все предметы своей деятельностью, спрашивай себя относительно каждого в отдельности, — не потому ли смерть страшна, что я его лишусь?

30 Если тебя возмущает чье-либо заблуждение, не медля, оглянись на себя. Представь в каком сходном грехе ты сам повинен, почитая, например, благо, деньги, наслаждение, суетную славу или что-нибудь в этом роде. Усмотрев это в себе, ты вскоре забудешь о гневе, особенно, если сообразишь, что тот человек вынужден быть таким. Что ему остается делать? Если можешь, то освободи его от этого принуждения.

31 Подумав о Сатироне Сократите, представь себе Евтиха или Гимена, вспомнив о Ефрате — Евтихия или Сильвана. Если напомним себе об Алкифроне, не забудь Тропеофра, а подумав о Ксенофонте — Критона или Севера. Думая о себе, вспоминай кого-либо из Цезарей, и так поступай во всем.

Затем задай себе вопрос: «Где они все?» Нигде или неведомо где. И тебе станет ясно, что все человеческое — дым, ничто. Особенно, если представишь себе, что однажды изменившееся уже никогда не возникнет вновь в беспредельности времени. Чего же ты добиваешься? Почему тебе недостаточно провести достойно свой краткий век? Какого материала и каких условий деятельности ты избегаешь? Ибо что такое все это, как не упражнение для разума, созерцающего всю жизнь точным и отвечающим природе вещей взглядом? Не отступай же до тех пор, пока не освоишься со всем этим, как усваивает себе все здоровый желудок, как сильный огонь

обращает в пламя и свет все брошенное в него.

32 Пусть никто, утверждающий о тебе, что ты человек неискренний и нехороший, не говорит правды, пусть ошибается всякий думающий о тебе что-нибудь подобное. Все это зависит только от тебя. Кто, в самом деле, мешает тебе быть хорошим и искренним человеком? Только реши раз навсегда не жить, если не сможешь быть таким. Ибо, если ты не таков, то разум не удерживает тебя (в жизни).

33 Что при данном материале было бы правильнее всего сделать или сказать? Что бы это ни было, это может быть сделано или сказано. И не ссылайся на препятствия.

Ты прекратишь свои стенания только тогда, когда почувствуешь, что в данной ситуации делать то, что свойственно строю человеческой природы, столь же приятно, как привольная жизнь для любителей наслаждений. Ибо каждая возможность действовать согласно своей особой природе должна почитаться радостью. Но эта возможность имеется всюду. Ни цилиндру, ни огню, ни воде, ни всему остальному, относящемуся к мертвой и неразумной природе, не дана возможность всегда находиться в свойственном им движении: множество препятствий мешает этому. Дух же и разум могут, преодолевая все препоны, сохранить направление, которое от природы свойственно им и которое они желают. И, памятуя о той легкости, с которой движется, все преодолевая, разум, как огонь движется вверх, камень вниз, цилиндр по склону, ты уже не стремишься ни к чему иному. Остальные же

препоны или относятся к телу, которое тот же труп, или же (без убеждения о них и склонности самого разума) не в силах ни подавить тебя, ни причинить какое-либо зло: иначе тот, на чьем пути они встретились, тотчас же сделался бы дурным. Стоит только, чтобы с каким-нибудь другим созданием приключилось какое-либо зло, как благодаря этому само претерпевающее становится хуже – здесь же, если хочешь знать, человек делается и лучшим, и более достойным похвалы, если только он надлежащим образом использует обстоятельства. Вообще помни, что то не вредит гражданину, что не вредит Граду, и ничто не вредит Граду, что не вредит закону. Но все эти так называемые невзгоды не вредят закону, а не вредя ему, не вредят ни Граду, ни гражданину.

34 Человеку, проникшемуся истинными основоположениями, даже самое краткое и общеизвестное выражение может напомнить о состоянии, свободном от печали и страха:

Ветер на землю срывает листву...

Так поколенья людей...

И порождение твое – та же листва. И те люди, которые громко и с такой уверенностью прославляют тебя, или же, наоборот, проклинаят, или втайне порицают и поносят, – листва, равно как и те, которые унаследуют память о тебе. Ибо все это возникает «едва лишь весна возвратится», затем ветер сносит это на землю, а потом лес порождает взамен

прежней новую листву. Но кратковечность обща всему. Ты же всего избегаешь и ко всему стремишься, точно оно должно длиться вечно. Еще немного – и ты смежишь очи, и того, кто похоронит тебя, будет вскоре оплакивать кто-нибудь другой.

35 Здоровый глаз должен видеть все доступное зрению и не говорить: «У меня пристрастие к зеленому цвету», ибо это уже признак болезни глаза. Точно так же и здоровые слух и обоняние должны быть готовы воспринять любой звук или запах, а здоровый желудок должен одинаково относиться ко всякой пище, как мельница ко всему, что она предназначена смалывать. Поэтому и душевно здоровый человек должен быть готов ко всякого рода событиям. Тот же, кто говорит: «Мои дети должны остаться в живых, все люди должны хвалить меня, что бы я ни делал», подобен глазу, имеющему пристрастие к зеленому цвету, или зубам, предпочитающим мягкую пищу.

36 Никто не бывает настолько удачлив, чтобы его смерть не вызвала в ком-либо из окружающих чувства злой радости. Пусть он был превосходным и мудрым человеком – все же найдется в конце концов кто-нибудь, кто про себя скажет: «Наконец-то мы можем вздохнуть свободно, избавившись от этого наставника. Правда, он никому из нас не был в тягость, но все же мы чувствовали, что он втайне осуждает нас». Вот что скажут о превосходном человеке. Что же касается нас, то сколько в нас других свойств, которые побуждают мно-

гих желать избавления от нас? Подумав об этом в смертный час, ты с большею легкостью расстанешься с жизнью, сказавши себе: «Я расстанусь с той Жизнью, в которой даже самые близкие мне люди, для которых я положил столько трудов, о которых так горячо молился и заботился, даже они желают моего устранения, надеясь на то, что это, быть может, принесет им какое-нибудь облегчение. Какой же смысл кому бы то ни было желать более продолжительного пребывания в жизни?» Все это, однако, не должно побудить тебя относиться к окружающим при расставании менее благожелательно: оставаясь верным своему характеру, относись к ним дружески, благосклонно, кротко. С другой стороны, не расставайся с ними и так, точно тебя отрывают от них, но пусть это твое расставание будет подобно безболезненному отделению души от тела при хорошей смерти. Ведь и с ними спаяла и связала тебя природа. Теперь же она разлучает нас. И я расстанусь с ними, как с родными, но не упираюсь и не оказываю сопротивления – ибо и эта разлука одно из действий природы.

37 Приучай себя при всяком, по возможности, действии другого человека задаваться вопросом о цели, которую он думает достичь этим действием. Начни с самого себя и исследуй прежде всего самого себя.

38 Помни о том, что все, руководящее тобою, таится внутри тебя самого. Здесь – дар слова, здесь – жизнь, здесь, если хочешь знать, весь человек. Никогда не отождествляй с этим

облекающую его оболочку и присущие ей органы. Они подобны плотничьему топору, различаясь только тем, что даны нам от природы. И будь эти части лишены движущей и сдерживающей их причины, от них было бы не больше пользы, чем от веретена для ткача, от пера для пишущего, от бича для возницы.

Одиннадцатая книга

1 Свойства разумной души: она созерцает самое себя, анализирует себя, делает себя такой, какой желает, сама пользуется приносимым ею плодом (в то время как плодами растений и порождениями животных пользуются другие). Она достигает свойственной ей цели, когда бы ни был положен предел жизни. При пляске, сценическом представлении и тому подобном всякая помеха лишает законченности всю деятельность. Не так здесь: в какой бы части и в каком бы месте ни была прервана деятельность разумной души, она исполняет свое предназначение полностью и без нехваток, так что может сказать: «Я взяла свое». Разумная душа облетает, далее, весь мир и окружающую его пустоту, исследует его форму, проникает в беспредельную вечность, постигает периодическое возрождение Целого и понимает, и сознает, что наши потомки не увидят ничего нового, как и наши предки не видели ничего сверх того, что видим мы, но что человек, достигший сорока лет, если он обладает хоть каким-нибудь разумом, в силу общего единообразия некоторым образом уже видел все прошедшее и все должное быть. Разумной душе свойственны и любовь к ближним, и истина, и скромность; она ничего не ставит выше себя, что свойственно и закону. Таким образом, нет никакой разницы между правым разумом и разумом справедливости.

2 Ты будешь относиться с презрением к веселой песне, к танцам, ко всем видам борьбы, если разделишь всю мелодию на отдельные звуки и относительно каждого задашь себе вопрос: «Не перед ним ли я не могу устоять?» Ведь ты постыдишься ответить утвердительно. Поступай соответственно этому с танцами, относительно отдельных движений и положений, равно как и с борьбой во всех ее видах. Помни, что во всем, за исключением добродетели и ее действий, следует переходить к рассмотрению частей и из их анализа черпать презрение к целому. Примени то же самое и ко всей жизни.

3 Душе, готовой ко всему, не трудно будет, если понадобится, расстаться с телом, все равно – ждет ли ее угашение, рассеяние или новая жизнь. Но эта готовность должна корениться в собственном суждении, проявляя себя не со слепым упорством, как у христиан, а рассудительностью, серьезностью и отсутствием рисовки: только тогда она убедительна и для других.

4 Я сделал что-нибудь для общего блага? Следовательно, я принес пользу самому себе. Никогда не расставайся с этой мыслью и не отказывайся от нее ни в каком положении.

5 В чем твое искусство? В том, чтобы быть хорошим. Но разве достигнешь ты в нем совершенства иначе, нежели с помощью познания как о природе Целого, так и об особом строе человека?

6 Первоначально трагедии должны были напоминать зрителям о том, что известные события по природе своей про-

исходят известным образом, и о том, что развлекающее их на сцене не должно быть тягостным для них и на большей сцене — в жизни. Ибо зрители воочию убеждаются, что известные события должны совершаться именно таким образом, и что приходится мириться с ними даже тем, которые восклицают: «О Киферон!». Авторы этих трагедий говорят подчас нечто дельное. Лучшим примером может служить:

Хотя б меня с двумя детьми забыли вы,
Цари небес, — все ж разум есть и правда в том.

И далее:

Что пользы гневаться на вещи?

И —

Нельзя, чтоб в день свой не пожата жизнь была,
Как спелый колос.

И другое в том же роде. После трагедии появилась древняя комедия, нравоучительно откровенная, и самой резкостью своей полезная для обличения тщеславия. Для этой цели и Диоген кое-что заимствовал из нее. Подумай же теперь, в чем существо появившейся затем средней комедии и для чего, наконец, была введена новая, перешедшая мало-помалу, в мимическое искусство. Никто не станет отрицать, что и здесь можно найти кое-что полезное. Но какую цель преследует все это направление поэтического и драматического

творчества?

7 Насколько же очевидно, что нет условий жизни, более благоприятных для философствования, нежели те, в которых ты теперь находишься!

8 Ветвь, отсеченная от другой ветви, не может не оказаться отсеченной и от всего ствола. Точно так же и человек, порвавший с одним человеком, отторгает себя от всего общества. Но ветвь не сама себя отсекает, человек же сам отдаляется от своего ближнего, возненавидев и чуждаясь его, и не сознает, что тем самым отсекает себя и от всей гражданской общины. Правда, Зевс – зиждитель общественности – даровал нам способность вновь сойтись с теми, кто нам близок, и вновь занять свое место в качестве членов целого. Однако если это отделение повторяется, то отделившееся делается все более неспособным к объединению и восстановлению в прежнее положение. И вообще между ветвью, с самого своего произрастания жившей одной неразрывной жизнью со всем растением, и той, которая была отсечена, а потом привита вновь, – есть существенная разница, что бы ни говорили садовники: последняя срастается, правда, но сохраняя отличие.

9 Люди, препятствующие тебе идти путем, согласным с правым разумом, не смогут отвратить тебя от правильных поступков; точно так же они не должны лишать тебя благожелательности к ним самим. Следи за собой одинаково как в том, так и в другом отношении: не только за обоснованно-

стью суждений и действий, но и за кротостью в отношении к тем, которые стараются помешать тебе или раздосадовать как-либо иначе. Ведь гнев на них не менее обличает бессилие, нежели отказ от действия или уступка под влиянием страха. И то, и другое – измена своему назначению: у одного эта измена выражается в страхе, у другого – в отчужденности от того, кто по природе родственен ему и друг.

10 Ни одна природная сущность не уступает искусству, ибо искусства только подражают той или иной природе. Если так, то природа, наиболее совершенная и объемлющая все другие, не может быть превзойдена хотя бы самым изощренным искусством. Но все искусства созидают менее совершенное ради более совершенного; следовательно, так же поступает и общая природа. Здесь берет начало и справедливость, которая порождает и прочие добродетели. Ибо справедливое не будет соблюдено, если мы будем стремиться к вещам безразличным или легко даваться в обман, или же будем судить опрометчиво и легкомысленно.

11 Предметы, преследуя и избегая которые ты лишаешься мира душевного, не приступают к тебе, но ты некоторым образом сам приступаешь к ним. Пусть смолкнет твое суждение о них – и они лежат недвижимо; а тебя никто не увидит ни преследующим, ни бегущим.

12 Душа сохраняет свойственную ей шарообразную форму, когда не тянется за чем-либо внешним и не стягивается вовнутрь, не удлиняется и не оседает вниз, но излучает свет,

в котором она зрит истину, как всех вещей, так и таящуюся в ней самой.

13 Меня кто-нибудь станет презирать? Это его дело. Мое же дело – не оказаться достойным презрения вследствие какого-нибудь поступка или слова. Он будет ненавидеть меня? Опять-таки его дело. Я все же буду хранить благожелательность и благосклонность ко всему и всегда буду готов даже ему самому указать на заблуждение, без издевательства, но из искреннего желания добра, как это делал Фокион, если только он не лицемерил. Таким должно быть внутреннее настроение, и боги должны видеть в тебе человека, ни на что не досадующего и не злобствующего. Ибо что могло бы быть злом для тебя, если ты делаешь свойственное твоей природе и приемлешь то, что благовременно для природы Целого, как одушевленный только одним желанием.

14 Презирающие друг друга – друг другу угождают, а желающие превзойти друг друга, – пресмыкаются – чтобы так или иначе осуществилось общепользное друг перед другом.

15 До какой низости и лицемерия нужно дойти, чтобы сказать: «Я намерен быть искренним в отношениях с тобой». Что делаешь ты, человек? Не следует предупреждать об этом – это выяснится само собой: содержание твоих слов должно быть запечатлено на твоем челе. Ты таков – и тотчас же твой взор выдаст это, как возлюбленный тотчас же читает все в глазах любящего. Вообще человек искренний и хороший должен быть подобен потливому, чтобы ставший

рядом с ним волей-неволей почувствовал его, лишь только к нему приблизится. Искренность же, выставляемая напоказ, опаснее кинжала. Нет ничего омерзительнее волчьей дружбы. Избегай ее более всего. Человека хорошего, благожелательного и искреннего – узнаешь по глазам; этих свойств не скроешь.

16 Душа обладает способностью устроить жизнь наиболее совершенным образом, если только человек будет безразлично относиться к вещам безразличным. Безразлично же будет относиться тот, кто каждую из этих вещей рассматривает в расчленении, а не в целостном виде и помнит, что ни одна из них не навязывает нам убеждения о себе и не приступает к нам, но что они недвижимы, составляем же суждение о них мы сами, как бы записывая в самих себе, хотя можем и не записывать, можем и стереть тотчас же запись, если она занесена без нашего ведома; кто помнит также и о том, что такого рода внимание потребуется лишь на недолгое время и что жизнь близится к концу. Но что трудного во всем этом? Если это согласно с природой – находи в нем радость и не тяготись им, если же противно природе, ищи того, что согласно с твоей природою, и спеши к нему, хотя бы оно и не обещало славы. Ибо всякому должно быть дозволено искать свое благо.

17 Ты должен знать, где берет начало каждая вещь, из чего она состоит, во что изменяется, какой она будет по изменении и почему она не претерпит при всем этом никакого зла.

18 Следует отдать себе отчет, во-первых, в том, каково твое отношение к людям, и в том, что люди рождены друг для друга, ты же, сверх того, поставлен над людьми, как баран над стадом овец или бык над стадом коров. Обоснуй это глубже, начав с положения: «Если не атомы, то вседержительница-природа». Но если так, то менее совершенные существа существуют ради более совершенных, более же совершенные друг для друга.

Во-вторых, – в том, каковы люди за столом, на ложе и т. д., в особенности же какую власть имеют над ними их основоположения и с каким самомнением они делают свое дело.

В-третьих, – в том, что если в данном случае люди поступают правильно, то не следует сердиться на них, если же неправильно, то, очевидно, против воли или по неведению. Ведь всякая душа против воли лишается как истины, так и отношения к другому человеку, сообразного его достоинству. Ведь людям очень не нравится слыть несправедливыми, неблагодарными, жадными и, одним словом, заблуждающимися по отношению к ближним.

В-четвертых, – в том, что ты и сам во многом заблуждаешься и подобен им; если же и не впал в какие-нибудь заблуждения, то не чужд порождающим их склонностям. Это справедливо, если от подобных заблуждений удержали тебя трусость, честолюбие или какое-нибудь другое дурное побуждение.

В-пятых, – в том, что ты даже не уверен, заблуждаются ли

они. Ведь чужая душа – потемки. И вообще многому следует поучиться, прежде чем с уверенностью высказываться о чужих поступках.

В-шестых, – в том, что предаваться чрезмерной досаде или негодованию – значит забыть о мимолетности человеческой жизни и о предстоящей всем скорой смерти.

В-седьмых, – в том, что не поступки людей в тягость нам – их настоящий источник в руководящем начале этих людей, – а наши убеждения. Устрани же убеждения, пожелай освободиться от суждения об этих поступках, как о чем-то ужасном, – и гнева как и не бывало. Но как устранить их? Размышляя о том, что для тебя нет ничего постыдного в этих поступках. Ибо если ты будешь считать злом не только постыдное, то и тебе не избежать многих заблуждений и стать разбойником или еще кем-нибудь в этом роде.

В-восьмых, – в том, насколько последствия гнева и огорчения по поводу чего-либо более тягостны, нежели то, что вызывает гнев и огорчение.

В-девятых, – в том, что благожелательность, если она искренняя, а не напускная, есть нечто неодолимое. Что, в самом деле, сделает тебе разнузданный насильник, если ты останешься неизменно благожелательным к нему и, при представившемся случае, будешь кротко вразумлять его, а в тот самый момент, когда он собирается сделать тебе зло, ты, сохраняя спокойствие, обратишься к нему: «Не нужно, сын мой: мы рождены для другого. Я-то не потерплю вреда,

но ты потерпишь». Далее, следует толково и в общем виде показать ему, что это действительно так и что ни пчелы, ни животные, рожденные для стадной жизни, не поступают таким образом. Но это нужно сделать без насмешки и издевательства, а любвеобильно, без затаенной обиды, не принимая учительского тона и не стремясь удивить присутствующих, или с глазу на глаз, или, если присутствуют посторонние...

Помни об этих девяти правилах, как бы получив их в дар от муз. И пока еще жив, стань, наконец, человеком! Следует в равной степени избегать как гнева, так и лести в отношениях к людям: и то, и другое противно общественности и приносит вред. В приступе гнева никогда не забывай, что ярость не свидетельствует о мужестве, а, наоборот, кротость и мягкость более человечны и более достойны мужа, и сила, и выдержка, и смелость на стороне такого человека, а не на стороне досадующего и ропщущего. Чем ближе к бесстрастию, тем ближе и к силе. Как огорчение, так и гнев обличают бессилие. И огорчающийся, и гневающийся – ранены и выбыли из строя. Если хочешь, то прими и десятый дар от самого Мусагета. Требование, чтобы дурные люди не заблуждались, – безумно, ибо означает стремление к невозможному. Соглашаться же с тем, чтобы они были таковыми по отношению к тебе, – нелепо и достойно тирана.

19 Следует более всего беречься четырех извращений господствующего начала и пресекать их, лишь только их заме-

тишь, обращаясь к себе в каждом случае так: «Это представление не необходимо, это – подрывает устои общества, эти слова были бы не чистосердечны, а говорить не от чистого сердца должно быть противно твоему смыслу». Четвертое же увещание – это то, когда ты обращаешься к себе с таким упреком: «Это твое состояние означает поражение и сдачу более божественной твоей части, не устоявшей против менее ценной и смертной части, против тела и его грубых наслаждений».

20 Жизненная сила в тебе и все огневидное, входящее в смешение, хотя и стремятся по своей природе вверх, однако, подчиняясь распорядку Целого, удерживаются в своем составе. Все же, обладающее свойствами земли и влажное, хотя и стремится вниз, однако не падает, а занимает несвойственное ему по природе положение. Таким образом, и элементы подчиняются Целому, оставаясь, даже вопреки себе, там, где им указано, до тех пор, пока оттуда же не будет дано знака к разложению. Не ужасно ли после этого, что только твоя разумная часть не повинуетя и досадует на занимаемое ею место, хотя ей и не предписывается ничего противоречащего ей, а только согласное с ее природой; она же не желает ни с чем считаться и стремится к противоположному. Ибо всякое уклонение в сторону несправедливости, излишеств, гнева, огорчения, страха есть не что иное, как измена природе. Не господствующее начало оставляет свой пост и тогда, когда выражает недовольство по поводу чего-либо про-

исходящего. Ибо оно не менее предназначено к благочестию и богопочитанию, нежели к справедливости. Ведь и эти добродетели входят в понятие общественности; более того, они даже старше справедливости.

21 Кто не имеет единой и неизменной цели жизни, тот не может оставаться единым и неизменным в течение всей жизни. Но сказанного еще недостаточно, если не прибавить, какова должна быть эта цель. Ведь как убеждение одинаково не относительно всех каких бы то ни было благ, признаваемых большинством, но лишь относительно некоторых, имеющих общее значение, так и цель должна быть установлена общественная и гражданственная. Кто сообразует с этой целью все свои личные стремления, тот во всем будет поступать одинаково и, таким образом, останется верным себе.

22 Подумай о мышши полевой и домашней, о ее испуге и беготне.

23 Сократ называл мнения большинства людей Ламиями – пугалом для детей.

24 Лакедемоняне во время представлений устраивали чужестранцам места в тени, сами же садились где попало.

25 Сократ на вопрос Пердикки, почему он не едет к нему, ответил: «Чтобы не погибнуть самым постыдным образом», т. е. воспользовавшись одолжением, не иметь возможности отплатить тем же.

26 В писаниях эфесцев рекомендуется постоянно вспоминать о ком-либо из древних, отличавшихся добродетелью.

27 Пифагорейцы советовали бросать по утрам взгляд на небо, чтобы вспомнить о том, что оно всегда исполняет свое дело, оставаясь верным своему пути и образу действий, и о порядке, чистоте и обнажении. Ибо светила не знают покровов.

28 Подумай о Сократе, набросившем на себя овчину, когда Ксантиппа ушла из дома, захватив его одежду, и о его ответе друзьям, не знавшим куда деваться от стыда, когда увидели его одетым таким образом.

29 Ты не станешь учить письму и чтению, прежде чем не научишься сам. Тем паче – жизни.

30 Рабом рожден ты: чести нет тебе в речах.

31 Во мне засмеялось сердце.

32 Станет бесстыдной хулой поносить суеслов добродетель.

33 Безумно искать смокв зимой. Но безумец и тот, кто тоскует о ребенке, которого уже нет.

34 «Лаская своего ребенка», говорил Эпиктет, «следует сказать самому себе: «Быть может, завтра он умрет». – «Но ведь это – накликанье беды». – «Ничего подобного», отвечал он, «это обозначение одного из действий природы. Иначе и слова: «Колосья пожинаются» также являлись бы накликаньем беды».

35 Виноград зеленый, зрелый, выжатый – все это переход не в то, чего вообще нет, а в то, чего теперь нет.

36 Изречение Эпиктета: «Нет насилия, которое могло бы

лишить нас свободы выбора».

37 «Нужно», говорит он, «установить правила, определяющие, когда следует давать свое согласие. Что касается стремлений, то необходимо следить за тем, чтобы они не были безусловны, были направлены на общее благо и сообразовались бы с достоинством. От влечений же следует вообще воздерживаться, но не отвращаться ни от чего, что не в нашей власти».

38 «Спор идет», говорит Эпиктет, «не о пустяках, а о том, быть ли безумным или нет».

39 «Что вы предпочитаете», спросил Сократ, «иметь ли души разумных существ или неразумных?» – «Разумных». – «Но испорченных или неиспорченных?» – «Неиспорченных». – «Почему же вы не стремитесь к ним?» – «Мы обладаем ими». – «Почему же вы тогда «спорите и препираетесь?»».

Двенадцатая книга

1 Все то, чего ты желаешь достичь окольными путями, ты можешь иметь уже теперь, если только будешь доброжелательно относиться к самому себе. А именно, если ты оставишь прошлое, будущее предоставишь промыслу, сам же исключительно займешься настоящим, сообразуя его с благочестием и справедливостью. С благочестием для того, чтобы любить свой удел, ибо природа приноровила его к тебе и тебя к нему. Со справедливостью, – чтобы свободно и без уверток говорить истину и поступать всегда согласно закону и считаясь с достоинством и чтобы не служили для тебя препятствием ни чужой порок, ни убеждения, ни пересуды, ни ощущения облекающего тебя тела: пусть разбирается в них тело, испытывающее их. Итак, если ты, уже приблизившись к концу, оставишь все, будешь чтить лишь свое господствующее начало и божественное в тебе, будешь бояться не того, что когда-нибудь жизнь прекратится, а того, что никогда не начнется жизнь, согласная с природой, то станешь человеком, достойным произведшего тебя мира, перестанешь быть пришельцем в своем отечестве, не будешь дивиться каждодневно происходящему, как чему-то неожиданному, и находиться в зависимости то от того, то от другого.

2 Бог зрит господствующее начало каждого из нас в обнажении от материальной оболочки, коры, наростов. Ибо Бог

соприкасается лишь с тем, что проистекло и изошло от него в господствующее начало, и притом лишь своим разумом. Если бы ты приучил себя поступать так же, то избавил бы себя от многих хлопот. Разве не богат досугом тот, кто не обращает внимания на облекающую плоть, а тем паче уже не смотрит на платье, жилище, славу и им подобные покровы и украшения?

3 Ты состоишь из трех частей: тела, жизненной силы и ума. Из них первые две твои постольку, поскольку тебе приходится заботиться о них, и только третья действительно принадлежит тебе. Если ты отстранишь от себя, то есть от своего ума, все то, что делают и говорят другие, или что делал и говорил ты сам, все, что тревожит тебя, как имеющее быть, что не зависит от твоего выбора, относясь к облекающему тебя телу или прирожденной ему жизненной силе, все, что вне тебя увлекает за собой кругом обтекающий вихрь, и, таким образом, твой ум, изъятый из среды, с которой сопрягла его судьба, будет чист и свободен устроить жизнь по-своему, творя справедливое, приемля происходящее и говоря истину; если, говорю я, ты отдалишь от господствующего начала приставшее к нему от напора страстей и относящееся к прошедшему или будущему, будешь походить на Эмпедоклов...

...Шар, всюду равный себе, одиночеством радостным гордый, будешь думать только о той жизни, которой ты живешь, т. е. о настоящем, — то сможешь остаток своей жизни прове-

сти безмятежно, благородно и в дружеском общении со своим гением.

4 Я часто дивился тому, что каждый, любя себя больше других, в то же время своему убеждению о себе придает меньшее значение, нежели убеждению других. Если бы поэтому представший бог или преисполненный мудрости учитель повелел кому-нибудь не думать и не размышлять про себя ни о чем, о чем он не объявил бы тут же во всеуслышание, то никто не выдержал бы и одного дня. Таким образом, мы более стесняемся своих ближних – что-то они подумают о нас! – нежели самих себя.

5 Как это так случилось, что боги, устроившие все так прекрасно и с такой любовью к людям, просмотрели только ту несообразность, что люди вполне достойные, как бы заключившие союз с божественным началом и благодаря своим благочестивым деяниям и святости жизни крепко сдружившиеся с ним, после своей смерти не возрождаются к новой жизни, а угасают навсегда? Если даже это и так, то все же будь уверен, что если бы должен был иметь место другой порядок, то они бы его и установили. Ведь если бы он был справедлив, то был бы и возможен, и если бы он был согласен с природой, то природа и произвела бы его. Из того же, что он не имеет места (если только его действительно нет), ты можешь с уверенностью заключить, что он и не должен был осуществиться. Ведь ты и сам замечаешь, что, подымая такие вопросы, ты обращаешься к ним таким образом, если бы

они не были наилучшими и в высшей степени справедливыми. Но в таком случае они не могли, не противореча разуму и справедливости, отнестись с небрежением к какому-либо недосмотру в миропорядке.

6 Приучай себя и к тому, что тебе кажется невыполнимым. Ведь левая рука, вообще говоря, более слабая, нежели правая, повода держит сильнее, ибо к этому она приучена.

7 Подумай о том, в каком состоянии будут твои тело и душа, когда тебя настигнет смерть, о краткости жизни, о зияющей бездне вечности за тобой и пред тобой, о бессилии всего материального.

8 Рассматривай причинные начала вещей в обнажении от всяких наростов и в поступках же усматривай их цели. Подумай о том, что такое страдание, что – наслаждение, что – смерть, что – слава, о том, что всякий является сам причиной своих треволнений, что один человек не может воспрепятствовать другому, что все основано на убеждении.

9 Пользуясь основоположениями, ты должен уподобляться кулачному бойцу, а не гладиатору. Ведь стоит только последнему лишиться меча, которым он сражается, и конец ему, тогда как у первого руки всегда при себе, и ему нужно только сжать их в кулак.

10 Следует разобраться в свойствах самих вещей, различая в них материю, причинное начало и цель.

11 Как велика власть человека: он может не делать ничего, кроме того, что должно заслужить похвалу бога, и при-

ветствовать все, что бог ниспослет ему. Ведь это все согласно с природой.

12 Не следует делать упреков ни богам, ибо они ни в чем не заблуждаются ни добровольно, ни против воли, ни людям, ибо они заблуждаются против воли. Следовательно, никому не нужно делать упреков.

13 Как смешон и невежествен тот, кто дивится чему-либо из происходящего в жизни!

14 Или роковая необходимость и непреложный порядок, или благостный промысел, или же беспорядочная, никому не подвластная сумятица. Если непреложная необходимость, то чего же ты упираешься? Если промысел, доступный мольбам, то сделай себя достойным божественной помощи. Если же никем не руководимая сумятица, то будь доволен уже тем, что среди этого вихря ты сам обладаешь в себе некоторым руководящим началом ума. И если даже вихрь увлечет тебя – то пусть он увлекает тело, жизненную силу и прочее, ибо разума он не увлечет.

15 Свет лампы ярок и не теряет своего блеска, пока не будет погашен. А разве истина, справедливость и благоразумие в тебе должны угаснуть до твоей смерти?

16 Если кто-нибудь вызывает в тебе представление о заблуждении, в которое он впал, то скажи себе: «Откуда я знаю, что это заблуждение? Или, если это и есть заблуждение, то не наказал ли он уже сам себя, уподобившись тому, кто вырвал себе глаза?»

Нежелающий, чтобы дурные люди заблуждались, подобен тому, кто не желает, чтобы плоды смоковницы получали сок из нее, чтобы малые дети плакали, конь ржал, чтобы совершалось вообще все необходимое. Что делать человеку такого склада? Если у тебя хватит смелости, то попытайся исцелить его.

17 Если это не приличествует, не делай этого, если ложь, не говори. Твое стремление должно всегда быть направлено на то, чтобы усмотреть, каково само по себе то, что возбуждает представление в тебе, и исследовать его, различая в нем начало причинное и начало материальное, цель и время, пределами которого оно ограничено.

18 Пойми же, наконец, что в себе самом ты имеешь нечто более совершенное и божественное, нежели то, что вызывает страх, или вообще, что влечет к себе. Что теперь заполняет мою душу? Не страх ли, или подозрение, или вожеление, или что-нибудь другое в этом роде?

19 Во-первых, не следует поступать зря и без цели. Во-вторых, следует сообразоваться только с одной целью, общим благом, и ни с чем другим.

20 Еще немного времени, и ты исчезнешь, равно как и все то, что ты видишь, и все те, кто живет сейчас. Ибо все подлежит изменению, превращению и исчезновению – дабы вслед за ним возникло другое.

21 Все основано на убеждении; оно же зависит от тебя. Устрани поэтому, когда пожелаешь, предубеждение и,

как моряк, обогнувший скалы, обретишь спокойствие, гладь и тихую пристань.

22 Любая отдельная деятельность, прекратившаяся в урочное время, не терпит зла от самого прекращения, да и тот, кто был занят ею, не терпит зла от ее прекращения. Точно так же и совокупность деятельностей – именуемая жизнью, – если прекратится в урочное время, не претерпит зла от самого прекращения, да и тот, кто вовремя положит конец этому ряду, не испытывает зла. Время же и срок указывает природа, иногда природа каждого в отдельности, как в старости; во всех же случаях без исключения природа Целого, изменение частей которой поддерживает весь мир в вечной юности и расцвете. Все же полезное Целому всегда прекрасно и благовременно. Итак, прекращение жизни ни для кого не есть зло, не являясь постыдным, если оно не зависит от нашего выбора и не противоречит требованиям общественности; но оно есть благо, если оно благовременно для Целого, полезно ему и в своем движении с ним согласуется. Поэтому и сподвижник божий тот, кого бог движет по своим путям, а его собственное разумение – к божеским целям.

23 Всегда следует иметь под рукой следующие три положения. Относительно своих действий помни, что ты не должен поступать ни зря, ни иначе, нежели поступила бы сама справедливость, относительно же совершающегося вне тебя, – что оно обязано своим существованием или случаю,

или промыслу. Но не следует ни жаловаться на случай, ни роптать на промысел. Во-вторых, наблюдай за ростом каждого существа от зародыша – до одушевления, и от одушевления – до расставания с душой, и отдай себе отчет, из чего оно складывается и во что разлагается. В-третьих, знай, что если бы ты, внезапно поднявшись вверх над землей, бросил бы взгляд на человеческие дела и на многоизменчивый ход их, то преисполнился бы презрения к ним, имея в то же время возможность созерцать столько существ, обитающих окрест, в воздухе и эфире, и что, сколько бы раз ты не подымался таким образом, ты всегда увидишь одно и то же, единообразное и кратковечное. И этим-то мы гордимся!

24 Отбрось предубеждение и ты спасен. Но кто может помешать тебе его отбросить?

25 Если ты негодуешь по поводу чего-либо, то ты забыл о том, что все совершается согласно с природой Целого, о том, что заблуждение другого не касается тебя, о том также, что все совершалось всегда таким образом, будет совершаться и ныне совершается повсюду, и о том, в каком родстве отдельный человек со всем родом человеческим, не по крови и общему происхождению, а по разуму. Ты забыл также о том, что дух каждого есть бог и от него исходит, о том, что ничто не принадлежит никому неотъемлемо, но и его ребенок, и его тело, и самая душа его достались ему из того же источника, о том, что все основано на убеждении и что каждый живет исключительно настоящим и лишь его

может лишиться.

26 Постоянно вспоминай о тех, которые предавались чрезмерному негодованию по какому-нибудь поводу или превзошли всех в славе, удаче, вражде, или были осыпаны какими-либо дарами судьбы. Затем задай себе вопрос: «Где все это теперь?» Дым, прах и миф, или даже не миф. Подумай также и о всем том, чему примерами могут служить Фабий Катуллин в своем поместье, Люций Луп в своих садах. Стертиний в Баях, Тиберий на Капри, Великий Руф, и вообще о пристрастии к чему-либо, связанном с сомнением, о ничтожности всех предметов устремлений и о том, насколько более достойно философа проявлять на предоставленном ему материале справедливость, благоразумие и непритязательное послушание богам. Тщеславие же отсутствием тщеславия есть самый нестерпимый вид тщеславия вообще.

27 Вопросающим: «Где ты видел богов или откуда узнал об их существовании, что так ревностно почитаешь их?», отвечай: «Во-первых, боги доступны и зрению. Далее, души своей я тоже никогда не видал и, однако же, чту ее. Точно так же и относительно богов: испытывая беспрестанно проявления их силы, я узнал из этого об их существовании и преклоняюсь перед ними».

28 Спасение жизни в том, чтобы относительно каждой вещи исследовать, какова она сама по себе в целом, что в ней от начала материального, что от причинного, всей душой от-

даваться осуществлению справедливого и говорить истину. Что же остается затем, как не наслаждаться жизнью, связывая одно доброе дело с другим так, чтобы не оставалось даже кратчайшего промежутка?

29 Солнечный свет един, хотя и дробится стенами, горами и бесчисленным множеством других предметов. Едина общая сущность, хотя она и раздроблена между бесчисленным множеством отдельных и своеобразных тел. Едина душа, хотя и она раздроблена между множеством существ и особых образований. Едина разумная душа, хотя и кажется разделенной. Другие же принадлежащие части, как то: жизненные силы и материальные начала, – бесчувственны и чужды друг другу; однако и их сдерживают в единстве разумное начало и их собственная косность. Разуму же свойственно особое тяготение к тому, что ему родственно, он сближается с ним, и это стремление к общению не может быть отделено от него.

30 Чего ты добиваешься? Долгой жизни? Иначе говоря, ты желаешь получить ощущения, стремиться, развиваться и идти вспять, пользоваться речью, размышлять? Но что из всего этого кажется тебе достойным желания? Если же все презренно, то перейди к последнему: повиновению разуму и богу. Но с почитанием их несовместима досада по поводу того, что смерть лишит нас когда-нибудь всего указанного выше.

31 Какая частица безмерного и беспредельного времени уделена каждому из нас? Еще немного – и она исчезнет в веч-

ности. А какая частица всей сущности? Какая – мировой души? На каком клочке земли мы пресмыкаемся? Раздумав над всем этим, не считай важным ничего, кроме одного: действовать так, как предписывает твоя природа, и мириться со всем, что создаст общая природа.

32 Как пользуется собой господствующее начало?

Ведь в этом – все. Остальное же – зависит оно от твоего выбора или не зависит – тлен и дым.

33 Ничто так не склоняет к презрению смерти, как мысль о том, что и те, которые наслаждение считали благом, а страдание злом, также презирали смерть.

34 Человеку, для которого добро только то, что благоверменно, для которого все равно, совершит ли большее число действий, согласных с правым разумом, или меньшее, и которому безразлично созерцать ли мир более долгое или более краткое время – такому человеку и смерть не страшна.

35 «Человек, ты был гражданином этого великого Града. Не все ли тебе равно, пять лет или три года? Ведь повиновение законам равно для всех. Что же ужасного в том, если из Града отсылает тебя не тиран и не судья несправедный, а та самая природа, которая тебя в нем поселила? Так претор отпускает со сцены принятого им актера». – «Но ведь я же провел не пять действий, а только три». – «Вполне правильно. Но в жизни три действия – это вся пьеса. Ибо конец возвещается тем, кто был некогда виновником возникновения жизни, а теперь является виновником ее прекращения. Ты

же ни при чем, как в том, так и в другом. Уйди же из жизни, сохраняя благожелательность, как благожелателен и тот, кто отпускает тебя».